

Леонид Выходков

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Леонид Выходков

**Будни и праздники
императорского двора**

«Питер»

2012

Высочков Л. В.

Будни и праздники императорского двора / Л. В. Высочков —
«Питер», 2012

«Нет места скучнее и великолепнее, чем двор русского императора». Так писали об императорском дворе иностранные послы в начале XIX века. Роскошный и блистательный, живущий по строгим законам, целый мир внутри царского дворца был доступен лишь избранным. Здесь все шло согласно церемониалу: порядок приветствий и подача блюд, улыбки и светский разговор... Но, как известно, ничто человеческое не чуждо сильным мира сего. И под масками, прописанными в протоколах, разыгрывались драмы неразделенной любви, скрытой ненависти, безумия и вечного выбора между желанием и долгом. Новая книга Леонида Высочкова распахивает перед читателем запертые для простых смертных двери и приглашает всех ко двору императора.

© Высочков Л. В., 2012

© Питер, 2012

Содержание

Глава 1 «Чертовы куклы»: под сению двора	5
«Настоящая верховная власть есть двор»	5
«Стоящие у трона»: придворные чины и звания	22
Камергеры: «комнатные господа»	27
«NN сделан камер-юнкером»: камер-юнкеры	29
С портретом и кокардой: кавалерственные статс-дамы	36
С шифром фрейлины	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Леонид Владимирович Выскочков

Будни и праздники императорского двора

Глава 1 «Чертовы куклы»: под сению двора

«Настоящая верховная власть есть двор»

Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наши Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не

*дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!
В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет¹.
А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, апрель 1834 г.*

Рассерженный Пушкин в приведенной цитате эпатажил. Термин «камер-паж» был хорошо известен его современникам. Им I не нужно было объяснять, чем камер-паж, выпускник с отличием Пажеского корпуса, призванный к службе (в качестве начала карьеры) при августейших дамах императорского или великокняжеского двора, отличается от почетного придворного звания «камер-юнкер». Почетное звание камер-юнкер (до 1809 г. чин) было желанным в то время для многих отпрысков аристократических семей и еще более для их родителей. Ведь Санкт-Петербург был городом двора, аристократии, чиновничества и гарнизона. Перефразируя известные слова поэта «Под сению Екатерины...», можно смело сказать, что он существовал «под сению двора».

По большому счету двор как некое собрание людей, приближенных к правителю, существовал всегда. Но только при Петре Великом начала формироваться его структура, особая придворная культура. Своего расцвета, пышности и политического могущества двор достиг к концу XVIII – первой половине XIX в., в правление трех императоров: Павла I, Александра I и Николая I. Именно этому времени, когда двор, точно зеркало отражавший основные черты великодержавных правителей, стал всемогущим, и посвящена наша книга.

Придворный обиход в России стал строиться по западноевропейскому образцу с начала XVIII в.; придворные же штаты окончательно упорядочиваются лишь в XIX в. Обычаи императорского двора окончательно сформировались в царствование Николая I. Как пишет историк Л. Е. Шепелев, «... основной идеей их была демонстрация политического престижа империи и царствующей фамилии. При этом естественным было усвоение уже существовавшего на Западе – как общих принципов организации двора, включая некоторые церемониалы, так и номенклатуры придворных чинов и званий. В первом случае за образец был принят французский двор; во втором – двор прусских королей и австрийский императорский двор. Однако в обычаях российского двора с самого начала присутствовали специфический православный и национальный элементы»².

Историк В. О. Ключевский в одной из последних своих дневниковых записей 1911 г. в контексте революции 1905–1907 гг. подчеркивал обособленность двора от русского общества, проявившуюся после 14 декабря 1825 г.: «Двойной страх вольного духа и народа объединял династию и придворную знать в молчаливый заговор против России»³.

В период царствования Екатерины II двор был пышным и отличался роскошью, что бросалось в глаза иностранным наблюдателям. Но, отмечая это, английский посланник Джеймс Харрис, прибывший в Санкт-Петербург в 1778 г., вскоре был вынужден заметить: «Много роскоши и мало морали – похоже, это отличает все слои населения»⁴. Французская революция нанесла удар по идеологии и практике «придворного общества» европейских монархий. Возросла роль просвещенной бюрократии как части чиновничьей элиты. В силу этого следование консервативной идее абсолютной монархии, требовавшее пышности двора, строгого и детально разработанного этикета, сочеталось с новыми подходами к финансовым аспектам

¹ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, 20 и 22 апреля 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; А], 1948. С. 129.

² Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. М., 2001. С. 394–395.

³ Ключевский В. О. Дневниковые записи 1902–1911 гг. // Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты. Дневники. М., 1993. С. 408.

⁴ Цит. по: Андреева А. Н. Российский императорский двор в записках английских путешественников: последняя четверть XVIII в. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007) / Под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой (отв. ред.) и др. СПб., 2009. С. 101.

содержания двора и к его структуре. Начиная с Павла I императорский двор, при всей торжественности этикета, приобретает более упорядоченные и строгие формы.

Структура двора четко регламентировалась высочайше утвержденным Придворным штатом от 30 декабря 1796 г.

Придворные должности, восходящие к натуральному хозяйству прошлых веков, типа квасоваров, пивоваров, водочных мастеров и другие подобные им, были упразднены, так как отныне эти продукты предполагалось получать от подрядчиков. Громоздкое придворное хозяйство значительно упрощалось.

В области этикета, как отмечал мемуарист Н. А. Саблуков, Павел отдавал дань французской дореволюционной традиции: «Как в Гатчине, так и в Павловске строго соблюдались костюм, этикет и обычаи французского двора»⁵. Это подтверждает и князь Станислав Понятовский: «Император хотел придать своему двору характер двора Людовика XIV и приучить почетных лиц появляться при дворе. Он стал подражать обычаю – просматривать список лиц, съезжавшихся вечером, и отмечал карандашом тех из них, которые должны были остаться ужинать»⁶.

При всей разнице характеров и взглядов Павла I и Марии Федоровны их объединяла страсть к церемониям и этикету. В это время придворные церемонии были пышными и весьма обременительными. И. И. Дмитриев пишет: «Никогда не было при дворе такого великолепия, такой пышности и стройности в обряде. В большие праздники все придворные и гражданские чины первых пяти классов были необходимо во французских кафтанах, глазетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом, или, по меньшей мере, шелком, или со стразовыми пуговицами, а дамы – в старинных робах, с длинным хвостом и огромными боками (фишбейнами), которые бабками их были уже забыты»⁷.

Следует пояснить, что в литературе существует большая путаница в описании юбок на каркасной основе, то есть различных видов кринолина. В XVIII в. это робы, фишмы, фишбейн, панье, «булочки». Как уточнил историк Константин Писаренко, фишмы, или, иначе, фишбейн, – «юбка с встроенным в нее китовым усом». Но в приведенной цитате на самом деле имеются в виду два вида каркасных юбок: собственно фишбейн и «булочки» – каркас по бокам из ивовых или тростниковых прутьев, обшитый плотной материей, на который надевалась парадная юбка (Подробнее см.: Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 69.).

Мемуарист И. И. Дмитриев рассказывает о торжественном выходе императора: «Выход императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургии предварялся громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимися в нескольких комнатах... Кавалергарды под шлемами и в латах. За императорским домом следовал всегда бывший польский король Станислав Понятовский, под золотую порфирию на горностае...»⁸ А. И. Рибопьер, как и многие другие мемуаристы, отмечает торжественный этикет при дворе: «Любя вообще простоту, Павел допускал пышность в одних лишь церемониях, до которых он был большой охотник»⁹.

Церемонию представления императору частных лиц, получивших такое разрешение, описал К. Г. Гейкинг. Алексей Куракин так наставлял провинциала: «Вы должны преклонить колени и поцеловать руку сначала у императора, затем у императрицы»¹⁰. Впрочем, Павел

⁵ Саблуков Н. Л. Записки // Царевубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. М., 1996. С. 45.

⁶ Воспоминания князя Станислава Понятовского (1776–1809) // Русская старина (далее – РС). 1898. Т. 95. № 9. С. 586.

⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: В 3 ч. Ч. 2. М., 1866. С. 149.

⁸ Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 149.

⁹ Рибопьер Л. И. Записки // Русский архив (далее – РА). 1877. Кн. 1. № 4. С. 481.

¹⁰ Гейкинг К. Г. Дни императора Павла: Записки курляндского дворянина. СПб., 1907. С. 7.

быстро поднял гостя. Далее «императрица села за бостон с князем Репниным, вице-канцлером Куракиным и графом Николаем Румянцевым. Она сидела на софе, по правую руку от нее находился император, рядом с ним на кресле сидел великий князь Александр, немного далее Константин, а затем все остальные по рангу. Взрослые княжны были по другую сторону матери, с г-жей фон-Ливен вокруг круглого стола, занимаясь рукоделием. Император один вел беседы...»¹¹

Был регламентирован и этикет при встрече с императором на улице, когда мужчины должны были выходить из экипажа, а женщины делать книксен на его подножке. Но для этого нужно было вовремя заметить приближающегося императора, что было непросто, так как Павел I «постоянно ездил по петербургским улицам верхом, почти без свиты, часто в санях и тоже без эскорта или какого-либо иного признака, позволяющего бы узнать его». Продолжая свою мысль, известная французская портретистка Мария Луиза Элизабет Виже-Лебрен вспоминала о своей встрече с императором: «Однажды Павел попался мне навстречу, но кучер не заметил его, и я едва успела закричать: "Стой, император!" Впрочем, когда мне уже отворяли дверцу, он сам вышел из саней и остановил меня, весьма любезно присовокупив, что указ его не касается иностранок и тем паче г-жи Лебрен»¹². Известный анекдот с польской дамой-горбуньей, которая сделала реверанс на подножке экипажа, а императору показалось, что она села на подножку, приводит Ф. О. Кутлубицкий (в другой транскрипции Котлубицкий). По выяснении обстоятельств Павел I способствовал решению ее дела о поместье, тянувшегося в Сенате 10 лет, но передал указание сразу же покинуть столицу¹³.

О страсти императора к церемониям писали многие мемуаристы. Французский посланник писал, что «просто невероятно, до какой степени Павел любит большие церемонии, какую важность им придает и сколько времени на них тратит»¹⁴. По его же мнению, должность обер-церемониймейстера стала одним из важнейших постов в империи. «Государь с какою-то, присущей ему, особой страстностью и мелочностью придумывал все новые усовершенствования для придворного этикета, – пишет графиня В. Н. Головина, – по этой причине празднества и даже балы делались не менее утомительными и скучными, чем торжественные поздравления»¹⁵. Американский исследователь Ричард Уортман справедливо замечает: «Павел соединил символику религиозного, военного и придворного превосходства, пытаясь возвысить свою власть как объект почитания и послушания»¹⁶. Это нашло отражение в повышении его (церемониймейстера) класса: с 1743 г. – IV класс, с конца XVIII в. – III класс, после 1858 г. – II и III классы.

Граф Ф. Г. Головкин упоминает церковные праздники, тезоименитства членов императорской семьи, орденские праздники, прием от купели новорожденных солдатских детей¹⁷. У многих остались в памяти пышные церемонии и этикетные балы, на которых приглашенные должны были придерживаться строгих регламентаций в костюме. Интересны рассуждения А. И. Рибопьера о придворных мундирах: «Он обрядил в форменное платье не одних военных, но и всех придворных, которые до тех пор облекались в самое изящное и богатое платье по своему усмотрению. Виндзорский покрой, за исключением цвета, послужил образцом для малого

¹¹ Там же.

¹² Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801. СПб., 2004. С. 77–79.

¹³ Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I. Рассказы о старине / Записал А. И. Ханенко. // Русский архив (далее – РА). 1912. Кн. 2. № 8. С. 521.

¹⁴ Цит. по: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 242.

¹⁵ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766–1811) / Вступл. и примеч. К. Валишевского; Пер. с франц. [по рукописи] К. Папудогло. М., 1911.

¹⁶ Уортман Р. Сценарии власти. С. 243.

¹⁷ Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I... С. 143. // Головкин Ф. Г. Двор в царствование Павла I. СПб., 1911. С. 143.

мундира; что же касается кафтана; кафтан этот увидел он на Ненчини, певце-буфе итальянской оперы»¹⁸.

Специальное законоположение об императорской фамилии было разработано в 1797 г. Согласно ему императорскую фамилию составляли император, императрица (жена), вдовствующая императрица (мать) и великие князья: сыновья, дочери, внуки и правнуки здравствующего или умершего императора. Наследник носил титул цесаревича. Родственники императора ниже правнуков, а после 1885 г. – ниже внуков получали титул князя императорской крови. К концу царствования Николая I императорская фамилия насчитывала 28 человек, в 1881 г. – 43, в 1894 г. – 46, в начале XX в. – 53, в 1914 г. – более 60 человек.

Царствование Павла I – это время дворцовых интриг, которым способствовал подозрительный и непостоянный характер монарха. Испытывая втайне презрение к Павлу, придворное окружение в страхе рукоплескало ему. Господствующий страх, как вспоминал И. И. Дмитриев, не мешал «коварным царедворцам строить ковы друг против друга, выслуживаться тайными доносами и возбуждать недоверчивость в государе, по природе добром и щедром, но вспыльчивом. От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные высылки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной и независимой жизни». Так называемое «Смоленское дело» 1798 г., повлекшее многочисленные опалы, смену лиц на государственных и придворных должностях, отдаление Павла I от Марии Федоровны и Е. И. Нелидовой, выдвижение «дамы сердца» А. П. Лопухиной, только приблизили мартовскую развязку 1801 г.

Для большинства екатерининских выдвиженцев само вступление на престол непредсказуемого императора воспринималось как стихийное бедствие. Не многие из дворян нашли мужество признать значение царствования Павла I. В изображении Д. П. Рунича Павел I чуть ли не образец государя: «Клевета ничего не щадила, чтобы очернить нравственный характер Павла I. Названия тирана, сумасброда, сумасшедшего были ему расточаемы до и после смерти... Он был строг, но справедлив; жесток, но всегда великодушен и щедр. И если он был жертвой заговора, этот заговор не был делом какого-нибудь Катона из Утики и еще меньше следствием народного голоса: во всякой стране найдутся Равельяки!» Другой современник, А. М. Тургенев, признает, что в провинции были и положительные перемены: «Здесь, кстати сказать, что с начала вступления Павла Петровича на трон в кабаках не подталкивали, в лавках не обвешивали и в судах не брали взятку. Все боялись кнута». И он же добавлял: «Народ восхищался, одобрял, восхвалял все злодеяния Павла над дворянами свершившиеся». Немецкий писатель Август Коцебу, в то время состоявший при русском дворе, пишет о радости столичного офицерства и чиновников после переворота: «Все это (радость в обществе. – А. В.), однако, не касалось лиц низшего сословия и редко касалось частных лиц, не занимавших никакой должности. Только лица, находившиеся на службе, какого бы звания они ни были, постоянно чувствовали над собой угрозу наказания. Народ был счастлив. Его никто не притеснял... Из 36 миллионов людей, по крайней мере, 33 миллиона имел повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это». Народ, как всегда, безмолвствовал.

Новый облик двора, сложившийся в значительной степени при Павле I, сохранился в последующие два царствования. Но личность императора накладывала свой отпечаток на императорский двор в каждое из царствований. Графиня В. Н. Головина, рассказывая о преувеличенной склонности к приемам Павла I, отмечает, что его сын Александр в этом отношении является антиподом¹⁹.

Великий князь Александр Павлович с удовольствием носил партикулярный костюм, что восходило скорее к традициям екатерининской эпохи, но в то же время отражало и новое

¹⁸ Рибоньер Л. И. Записки / Предисл. и примеч. А. А. Васильчикова // РА. 1877. Кн. 1. № 4. С. 480.

¹⁹ Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной. С. 182.

поветрие высшего света – англomанию. Вспоминаются пушкинское «как денди лондонский одет», многочисленные бонны (ирландки, шотландки, иногда и англичанки), прибывавшие в Санкт-Петербург учить детей аристократов английскому языку, чаепитие на английский лад... Его супруга Елизавета Алексеевна писала в одном из писем матери: «Он любит все английское, сам одевается в соответствии с английской модой, туфли с большим вырезом, английский фрак и т. д.»²⁰ Александр – это щеголь и франт. Опять же вспоминается фраза из эпиграммы А. С. Пушкина: «плешивый щеголь, враг труда». Это не совсем так, даже совсем не так – насчет императорской лени, но лысина у всех сыновей Павла I (так же как и у него самого) была родовым признаком, хотя его младшие сыновья – Николай и Михаил – париков уже не носили. После вступления Александра I на престол тут же исчезли парики и пудра, поколенные кюлоты и другие детали костюма и внешнего вида старого французского дворянства. Обстоятельства вступления Александра Павловича на престол (не отцеубийца, но сын, который не предотвратил убийство отца) наложили отпечаток на всю придворную жизнь первой четверти XIX в. Александр замкнут и одинок и старается вести жизнь вдали от большого общества.

Через несколько часов после убийства Павла в Михайловском замке Александр I, а вслед за ним и другие члены императорской семьи переехали вновь в Зимний дворец. В манифесте о восшествии на престол смерть отца была приписана апоплексическому удару (напомним, что причиной кончины Петра III были объявлены «геморроидальные колики»). В манифесте было заявлено, что он принимает на себя «обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великия...»²¹ После церемонии коронации в Москве 15 сентября 1801 г. Александр I торопится вернуться в Санкт-Петербург.

Его быт прост и непритязателен, он мало заботится об удобствах в дороге, не считаясь с интересами спутников. Нужно вспомнить, что строительство дороги между Санкт-Петербургом и Москвой начнется позднее и полностью завершится только к 1833 г. Тогда же на столбовой дороге лежали бревна, посыпанные песком. Вот письмо Елизаветы Алексеевны к матери о возвращении в столицу от 21 октября (2 ноября) 1801 г.: «... Мы приехали сюда в субботу вечером после тяжелого путешествия, от которого я еще не пришла в себя: дороги и погода были ужасными! Во что бы то ни стало император желал прибыть на пятый день, так что первые две ночи мы отдыхали несколько часов либо на стульях, либо на земле, кровати привезли только под утро; единственно спокойной была третья ночь, а четвертую мы провели в пути, на колесах. Это было утомительно... Мы бывали счастливы, если могли поменять белье... Сейчас, когда я меняю блузку, чищу зубы, а главное, когда завтракаю – радуюсь, потому что этими тремя вещами приходилось по большей части пренебрегать в дороге за неимением необходимых принадлежностей. Княжна Шаховская (Наталья Шаховская, фрейлина, будущая Голицына. – А. В.) оказалась верным компаньоном в наших бедствиях; она лежала на земле и воздерживалась от пищи вместе с нами...»²²

В жизни императорской четы почти нет выходов в театр или пышных придворных развлечений, столь памятных многим по екатерининскому царствованию. Через месяц в другом письме, от 3 (15) декабря 1801 г., императрица доверительно пишет о повседневной жизни в стенах Зимнего дворца: «... Наши дни текут по тому же распорядку, что и на Каменном острове (Каменноостровский дворец считался летней резиденцией; только при Николае I Каменный остров был включен в городскую черту. – А. В.). С той разницей, что гуляю я теперь в час дня; около трех часов дня мы обедаем. Окружение все то же, иногда присоединяется кто-то еще,

²⁰ № 18. Петербург, 12/23 мая 1793 г. Цит. по: Васильева А. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. Факты, даты, документы, воспоминания, письма, слухи, легенды, стихи и взгляд автора. М., 2001. С. 21.

²¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) 1-е собр. Т. 26. № 19779, 12 марта 1801 г.

²² № 229. Петербург, 21 октября / 2 ноября 1801 г. Цит. по: Васильева А. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 109

среди них главные адъютанты, которые не обедают за городом. Бывает, после обеда Император спит. По воскресеньям император приглашает по очереди кого-либо из первых лиц. Иногда по вечерам я принимаю дам. Среди тех, кто ужинает, графиня Строганова, мадам Апраксина, графиня Толстая – жена маршала, и редко графиня Радзивилл. Я порой наношу визиты, а чаще провожу вечера совсем одна со своей сестрой Амелией²³. Император ложится спать ровно в 10 часов. Обычно он направляет ко мне "любителей поужинать перед сном", усаживает нас за стол и удаляется. После ужина я возвращаюсь к себе и тогда остаюсь с Амелией и княжной Шаховской до момента, когда мне пора раздеваться ко сну. Иногда мы болтаем или музицируем, либо вместе, либо поочередно, а часто, как, например, сейчас, моя сестра и княжна сидят каждая со своей книгой, а я в стороне – занимаюсь тем, что считаю необходимым. Единственное разнообразие в нашем образе жизни происходит, когда, время от времени, обычно один раз в неделю, мы обедаем у Императрицы, а она – у нас»²⁴. В этом же письме впервые упоминается известная Мария Антоновна Нарышкина...

Тильзитские соглашения 1807 г. также не способствовали балам и празднествам. А после окончания наполеоновских войн победитель Александр уходит в религиозные искания. Бывший «молодой друг» Александра I (разочаровавшийся в императоре после того, как не был назначен наместником в Польше) Адам Чарторыйский писал в 1821 г.: «Та же мрачная идея, что своим согласием на переворот он способствовал смерти отца, в последние годы снова завладела им, вызвала отвращение к жизни и повергла в мистицизм, близкий к ханжеству»²⁵.

Это было особенно заметно по сравнению с отсутствием религиозности у императора в довоенный период. Интересны свидетельства Жозефа де Местра, французского публициста, близкого к Александру I, посланника сардинского короля в России с 1802 г. В предвоенных заметках он написал: «Раньше архиереев приглашали отобедать, теперь такого не случается. Одним словом, наблюдается всеобщее тяготение (особенно со стороны двора), чтобы совсем покончить с религией»²⁶. Позднее он отметил, что у Александра Павловича «до 1812 года нельзя было заметить признаков христианских убеждений»²⁷. В юности безбородый протоиерей Самборский, много лет прослуживший в русском посольстве в Лондоне, учил Александра Павловича основам православия, но не более. Обращение к вере – духовному стержню, судя по всему, произошло во время нашествия Наполеона в Россию, которое было воспринято императором как наказание и одновременно искупление греха отцеубийства. Позднее, в 1818 г., Александр I в Пруссии говорил местному епископу: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до тех пор не ощущал»²⁸.

Одним из тех, кто оказал большое влияние на императора в религиозной сфере, был знакомый ему с юности любимец императора князь А. Н. Голицын. 21 октября 1803 г. он неожиданно был назначен обер-прокурором Святейшего Синода, стал главным проводником религиозной политики императора. Можно сказать, что религиозные взгляды Александра I находились в поле учения «внутренней церкви», распространившегося в Европе в конце XVIII в. В его центре находилось убеждение, что для единения человека с Богом важна внутренняя вера, а все внешние религиозные признаки той или иной конфессии значения не имеют. Христиане – все, кто верует во Христа, и неважно, кто как молится Богу.

²³ Амелия – принцесса Баденская (1776–1823), приехавшая в Россию с матерью и оставшаяся при дворе. Мать надеялась, что сестрам будет веселее вместе, а главное, что Амелия, вращаясь в таком обществе, сможет удачно выйти замуж.

²⁴ № 230. Петербург, 3/15 декабря 1801. Цит. по: Васильева А. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 109–110.

²⁵ Цит. по: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 488.

²⁶ Местр, Ж. де. Религия и нравы русских. СПб., 2010. С. 38.

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны 1812 года (Из русской жизни начала XIX века) / Изд. подготовил П. В. Ильин. СПб., 2009. С. 356.

Обратившись к религии, Александр I живет уединенно (связь с М. А. Нарышкиной прервалась, сближения с Елизаветой не произошло). В Санкт-Петербурге он пребывает в Каменноостровском дворце, в тот время как его супруга обживает Таврический дворец. Они редко появляются вдвоем, только на официальных и семейных торжествах, таких как свадьба великого князя Николая Павловича и Александры Федоровны в 1817 г. Живет замкнуто Александр I и в своей любимой загородной резиденции – Царском Селе.

София Шуазель-Гуфье (в дореволюционном издании ее мемуаров Шуазель-Гуффье), урожденная графиня Тизенгаузен, бывшая фрейлина в начале царствования Александра I, в 1824 г. ищет встречи с императором в Царском Селе, чтобы похлопотать о месте флигель-адъютанта в императорской свите для своего сына. Она пишет: «Я прошла мимо дворца, громадного здания в старом французском стиле, разукрашенного статуями и позолотой, куполами и пр. Дворец этот показался мне пустынным; одни лишь часовые стояли на посту во дворе. Уединение, в котором жил государь, внушило мне мрачные мысли... Быть может, я не получу и стакана воды в этом дворце, негостеприимном, как все обиталища великих мира сего... Так я дошла до Китайского города, как называют построенные в китайском вкусе хорошенькие домики, числом около двадцати, где живут адъютанты его величества. У каждого из них свой особый дом, конюшня, погреб и свой сад. В середине этого небольшого городка, расположенного в форме звезды, находится окруженная тополями круглая беседка, где г.г. адъютанты собираются на балы и концерты...»²⁹ Она встретила императора на прогулке в парке... Интересно другое: царь сам по себе, а его свита – сама по себе...

Остались позади «дней Александровых прекрасное начало...» и даже последующие колебания правительственного курса между либерализмом и консерватизмом... После 1820 г. и новой революционной волны в Европе Александр I везде видит происки «всемирного заговора» революционеров. В 1822 г. запрещены все тайные общества. От служащих берут подписку о неучастии в них, а император пишет записку «О пагубности духа либерализма». Он готовит разгром дворянской конспирации – будущих декабристов (не успел, завершил Николай I). Он много ездит по Европе и по России, оправляясь в путь обычно ранней осенью.

В период наполеоновских войн начала XIX в. при склонности Александра I к личному уединению двор стал более замкнутым общественным институтом. Русская придворная жизнь хотя и не несла уже такого живописного колорита, как на сказочных празднествах времен Великой Екатерины, но по-прежнему отличалась блеском и великолепием. Для представительства при дворе требовалось немало средств. Хранителем придворного этикета, блеска и великолепия была вдовствующая императрица Мария Федоровна, ее приемы заменяли «большому свету» общение с малодоступным Александром I.

Пользуясь благосклонностью Александра, она располагала годовым доходом в один миллион рублей. Ее личный двор затмевает императорский; она выезжает в карете, запряженной шестеркой лошадей, в сопровождении гусар и пажей, присутствует на церемониях в военном мундире, украшенном орденой лентой. Ее приемы торжественны и помпезны. Французский генерал А. Савари, прибывший в Санкт-Петербург после Тильзитского договора 1807 г., посылает во Францию донесение: «Придворный церемониал и этикет соблюдается императрицей-матерью... Во время публичных церемоний Мария Федоровна опирается на руку императора; императрица Елизавета идет позади и одна. Я видел войска под ружьем и царя верхом, ожидавших прибытия его матери. За любое назначение, за каждую милость являются благодарить ее и поцеловать ей руку, хотя бы она не принимала в этом никакого участия; ни о чем подобном не докладывают императрице Елизавете – это не принято. Петербургская знать считает своим долгом показываться на приемах императрицы-матери по крайней мере раз в

²⁹ [Шуазель-Гуффье, София де]. Исторические мемуары об императоре и его дворе графини Шуазель Гуффье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 1912. С. 235.

две недели. Елизавета почти там не бывает, а император обедает три раза в неделю и нередко остается ночевать»³⁰. Еще одним увлечением Grand Maman был театр. Спектакли давались в Павловске обычно по воскресеньям, а в Петербурге – по четвергам. В письме от 13 (25) ноября 1808 г. императрица Елизавета Алексеевна заметила: «Спектакли, которые Императрица давала по четвергам прошлой зимой, возобновились. На них я чувствую себя лучше, чем на балах...»

Прибывшая в Россию в мае 1825 г. из Лондона супруга российского посла Х. А. Ливена (сама по себе «женщина-дипломат» и сестра А. Х. Бенкендорфа) Дарья Христофоровна Ливен зафиксировала свои впечатления о русском дворе в «Политических воспоминаниях о союзе с Англией». Окунувшись в Павловске в «водоворот праздников, представлений и удовольствий», она сообщала: «У Марии Федоровны собиралась вся императорская семья, кроме самого императора; у нее я встретила даже принцессу Оранскую, к тому времени королеву Голландии и герцогиню Веймарскую. Министры, элита петербургского общества собиралась у императрицы по вечерам». Графиня также отметила, что после 13 лет отсутствия «вновь обрела привычки моей юности, материнскую доброту императрицы и даже этот невыносимый придворный этикет, прежнюю рутину куртизанства». Она отмечает прежнее раболепие придворного общества: «Я видела это зрелище прежде, но я не думала о нем; сегодня же оно меня поразило и позабавило. Эти занятия пустыми делами; эта важность, которая придается мелочам; эта манера каждого русского спешить, чтобы потом долго ждать, это абсолютное самоуничижение и подобострастность к персоне суверена. Все это разительно отличалось от страны, откуда я приехала». Графиня Ливен явно пишет для иностранцев, уже со стороны наблюдая за придворной суетой. На них рассчитано упоминание о Царском Селе с замечанием о том, что оно «достойно нашего царствования, как Версаль был достоин царствования Людовика XIV»³¹.

Следует пояснить, что «королева Голландии» – это дочь Марии Федоровны Анна Павловна, в то время принцесса Оранская, которая станет королевой Голландии в 1840 г., но в объединенном тогда с Бельгией королевстве Нидерланды (1815–1830 гг.) существовала провинция Голландия, королевой которой она считалась и ранее. Дарья Ливен не допустила ошибки, назвав ее королевой не нидерландской, а голландской. Она вместе с мужем (будущим голландским королем Вильгельмом II) приехала в Петербург в сентябре 1824 г. и задержалась до лета 1825 г., покинув Петербург почти одновременно с сестрой Марией Павловной, герцогиней (с 1828 г. – великой герцогиней) Саксен-Веймарской и Эйзенахской.

Аккредитованный в Санкт-Петербурге в ноябре 1824 г. полномочный посланник Испании Хуан Мигель Паэс де ла Кадена застал последний год царствования Александра I и воцарение Николая I. В 1826 г. он присутствовал на коронации Николая I и в числе других дипломатов получил тогда золотую коронационную медаль. Русский двор ошеломил испанского посланника своим великолепием. В одном из более поздних донесений в Мадрид, сохранившихся в архиве Министерства иностранных дел Испании, от 9 августа 1828 г., он писал: «Таковым был тогда, в тот день, когда я прибыл, этот блестящий двор и с небольшими изменениями продолжал оставаться таким впоследствии, в высшей степени пышным и блестящим, а о его высшем обществе с точки зрения роскоши и взыскательности мне нелегко было бы дать точное представление... На троне находится молодая императрица, исполненная грации, изящества, привлекательности, наделенная красотой и элегантностью, которой нравятся балы и ассамблеи, театры и другие увеселения и бесконечные развлечения, которым ее Августейший Супруг, доставляющий ей удовольствия и радость, покровительствует во всех отношениях и в наивысшей мере; следствием является то, что лица при этом богатом дворе испытывают его большое влияние и стремятся к блеску и великолепию, с которым ни один другой [двор]

³⁰ Цит. по: Труайя Л. Александр I. М., 1997. С. 118.

³¹ Цит. по: Тяньшина Н. 17. Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 69–70.

не может соперничать. Кроме того, с достопамятного времени коронования в Москве, когда вся Европа стремилась окружить самой изысканной помпой и высоким почтением августейший трон этого монарха, последовали великолепные празднества, возможно, ранее никогда не виданные, на которых соперничали в блеске и великолепии. Представители высоких правителей, наряду с самим этим двором, сохранили тенденцию к пышной и роскошной избыточности, которая, несомненно, получила тогда большой импульс; и по указанным мотивам ввиду процветающего благосостояния этой империи, впоследствии ее следовало поддерживать. Прежде чем закончить... я хотел бы добавить в доказательство некоторые убеждающие [аргументы]; среди прочего достаточно упомянуть, что только ремонты, сделанные с тех пор, и увеличенное убранство квартир Их Величеств, правящей императрицы и императрицы-матери, где обновлены мебель, малахитовые каминные, статуи, зеркала и т. д., обошлись в четыре миллиона рублей»³². Действительно, трудами архитектора К. И. Росси и О. Монферрана были созданы новые интерьеры. Северо-западный так называемый ризалит Зимнего дворца становится отныне зоной личных покоев императорской семьи; обновляется и половина (личные апартаменты) императрицы Марии Федоровны, выходившая на Дворцовую площадь.

Обычно отмечают, что Николай I после подавления восстания декабристов сделал акцент на чиновной бюрократии. Рассматривая императорский двор «как олицетворение нации», Р. Уортман писал: «Если плац-парад отождествлял императорскую фамилию с вооруженными силами и, шире, с нацией, то двор Николая демонстрировал связь фамилии с русским чиновничеством»³³. Но дело было не только в дворянской антипатии Николая Павловича, а в указанной выше тенденции «новых монархов» делать ставку на просвещенную бюрократию и наметившийся отход от фаворитизма в придворном обществе.

Сужение социальных функций двора было отмечено в первом обзоре общественного мнения, подготовленного III Отделением Собственной Его Императорского Величества (СЕИВ) Канцелярии за 1827 г.: «Двор, т. е. круг людей, из коих собственно и составляется придворное общество, или люди, состоящие на службе при дворе, делятся на две группы. Одни проявляют особую привязанность к ныне царствующим августейшим особам и являются сторонниками принятого в настоящее время этикета, *другие предпочитают* старый порядок и проявляют больше преданности по отношению к императрице-матери... В обществе эта партия именуется Гатчинским двором... Во времена императрицы Екатерины II люди, занимавшие придворные должности, имели большой вес в глазах общества и пр. [...] Теперь дело обстоит совершенно иначе. Придворные образуют отдельную секту, отношения их ограничиваются их кругом, в котором и сосредоточиваются взаимные интересы. Большая часть царедворцев, однако, очень довольна устраиваемыми при дворе увеселениями и любезным обхождением царствующих императора и императрицы в качестве хозяев дома»³⁴. Над заголовком подлинника, написанного на французском языке, была сделана надпись по-русски: «Его Величество изволил читать». В левом верхнем углу Николай I поставил знак рассмотрения (./.). Слова, набранные курсивом, были написаны в тексте по-русски, а слово «двор» было подчеркнуто Николаем I.

Все познается в сравнении. Даже в этот период иностранные гости отмечали более высокий статус двора в России по сравнению с европейскими монархиями. «В России, – писал маркиз де Кюстин, – двор – реальная сила, в других же державах даже самая блестящая придворная жизнь – не более чем театральное представление»³⁵. Впрочем, некоторая нарочитая театраль-

³² Цит. по: Каганэ А. А. Кабинет картин Хуана Мигеля Пасеа де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге // Из истории мирового искусства и культуры: Сб. ст. к 75-летию Юрия Александровича Русакова (1926–1995). СПб., 2003. С. 507.

³³ Уортман Р. Сценарии власти. С. 421.

³⁴ А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. (Ежегодные отчеты III Отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. С. 142.

³⁵ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 165.

ность, связанная с придворным церемониалом и скрывающая духовную пустоту двора, все-таки оставалась. Писатель Н. С. Лесков в неоконченном романе «Чертовы куклы» так писал о своем герое – художнике Фебуфисе (прототип – Карл Брюллов): «Участие в придворной жизни его не тяготило: сначала это ему было любопытно само по себе, а потом стало интересно и начало втягивать как бы в пучину... Еще позже это стало ему нравиться... Как никак, но это была жизнь: здесь все-таки шла беспрестанная борьба, и кипели страсти, и шевелились умы, созидавшие планы интриг. Все это похоже на игру живыми шашками и при пустоте жизни делает интерес. Фебуфис стал чувствовать этот интерес»³⁶. О неискренности дворцовых завсегдатаев упоминали многие. В одном из писем к П. А. Вяземскому А. С. Пушкин писал в 1828 г.: «...Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, Арзамасское, не придворное»³⁷. Кроме В. А. Жуковского, имевшего доступ ко двору в качестве наставника, были другие представители дружеского литературного кружка «Арзамас» карамзинской направленности, достигшие министерских постов, – Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков и С. С. Уваров, но роль этих «просвещенных бюрократов» была при дворе незначительной.

Неслучайно атмосфера двора многим казалась удушливой. Двор был местом, где скреплялись честолюбивые устремления царедворцев различных рангов. «Итак, я, наконец, вдохнул воздух двора! – писал маркиз де Кюстин. – ...Всюду, где есть двор и общество, люди расчетливы, но нигде расчетливость не носит такого неприкрытого характера. Российская империя – огромная театральная зала, где из всякой ложи видно, что творится за кулисами»³⁸.

Тремя годами раньше новоиспеченный камер-юнкер А. С. Пушкин в письме к жене от 11 июня 1834 г. написал проще и понятнее: «На Того (царя. – А. В.) я перестал сердиться, потому что, в сущности говоря, не он виноват в свинстве, его окружающем, а живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его тебе не будет противна, даром, что *gentleman*. Ух кабы удрать на чистый воздух»³⁹. Как отметил, комментируя эту эскападу, историк Р. Г. Скрынников, «письмо было написано не без дальней цели. Наталья рвалась в столицу, где ее ждали балы и успех. Пушкин старался внушить жене, что двор со всем его блеском и роскошью – настоящий нужник»⁴⁰. Мы не знаем, что думала в тот момент Наталья Николаевна, но знаем ее отношение ко двору после второго замужества. Она писала тогда П. П. Ланскому: «Втираться в придворные интимные круги – ты знаешь мое к тому отвращение... Я нахожу, что мы должны появляться при дворе, только когда получаем на то приказание... Я всегда придерживалась этого принципа»⁴¹.

В целом придворные представляли особую сословно-корпоративную и профессиональную общность, и хотя наибольшую долю придворных составляли представители русского дворянства, явных русских «националистических» предпочтений в царствование Александра I при дворе не наблюдалось. При Николае I в окружении августейшей фамилии было много остзейских немцев, что вызывало определенное раздражение у русского дворянства. Тем не менее национально-культурная специфика состава придворных лиц хотя и придавала двору своеобразие, но по характеру он оставался «русским».

Современники и вслед за ними и историки отмечают и такую неприглядную черту, как «холопство зимнедворцев», что вызвало гневную отповедь М. Ю. Лермонтова. Впрочем, это

³⁶ Лесков Н. С. Чертовы куклы. Главы из неоконченного романа // Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1989. С. 370. Приношу благодарность за информацию А. А. Шелаевой.

³⁷ Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому 1824–1843 годов (Из Остафьевского архива) // Старина и новизна. Кн. 5. СПб., 1902. С. 5.

³⁸ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 149.

³⁹ Пушкин Л. С. Письма к жене. С. 62.

⁴⁰ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 109.

⁴¹ Ободовская И., Дементьева М. После смерти Пушкина. М., 1980. С. 75. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 316.

касалось государя при его жизни и могуществе. Покойный государь, как правило, не вызывал у придворных глубоких эмоций. 19 февраля 1826 г. по случаю памятной церемонии принятия полками мундиров Александра I взводы от соответствующих полков были выстроены у Салтыковского подъезда Зимнего дворца, затем на полковых дворах была объявлена панихида. В донесении полиции по поводу этой церемонии сказано: «Во дворце к чести в нем по обязанности бывших замечена не только грусть, но и самые слезы; равнодушнее всех были придворные»⁴².

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалась возможность постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Близость к трону позволяла им реализовывать свои интересы и притязать на многое, что после восстания декабристов привело к определенному дистанцированию царя и аристократии и опоре Николая I на остзейских немцев. Неслучайно в духовном завещании Николая I особо упомянуты В. Ф. Адлерберг и его сестра Ю. Ф. Баранова, получившие «пенсии и по 15 тыс. руб. сер.». Маркиз де Кюстин посвятил этой мысли немало строк: «У царских придворных нет никаких признанных, обеспеченных прав, это верно; однако в борьбе против своих повелителей они неизменно берут верх благодаря традициям, сложившимся в этой стране; открыто противостоять притязаниям этих людей, высказывать на протяжении длительного уже царствования то же мужество перед лицом лицемерных друзей, какое явил он перед лицом взбунтовавшихся солдат, есть, бесспорно, деяние превосходнейшего государя; это борьба повелителя одновременно против свирепых рабов и надменных придворных – красивое зрелище: император Николай оправдывает надежды, зародившиеся в день его восхождения на престол; а это дорогого стоит – ведь ни один государь не наследовал власти в более критических обстоятельствах, никто не встречал опасности столь неминуемой с большей решимостью и большим величием духа!»⁴³

Самое парадоксальное, что большинство членов императорской семьи также ненавидели двор и связанные с ним оковы этикета. Вспоминая свои первые месяцы после бракосочетания, будущая императрица Александра Федоровна писала о себе и Николае Павловиче: «Мы наслаждались нашей независимостью, так как в Павловске надобно было жить при Дворе, и как ни добра была к нам Матан, но придворная жизнь и близость Двора были неизбежны с нею, и мы оба ненавидели то, что называется Двором»⁴⁴. Ну как тут не вспомнить об афоризме Жана де Лабрюйера: «Если смотреть на королевский двор с точки зрения жителей провинции, он представляет собою изумительное зрелище. Стоит познакомиться с ним – и он теряет свое очарование, как картина, когда к ней подходишь слишком близко»⁴⁵. Маркиз де Кюстин воспринял русский двор как театр: «Чем больше я узнаю двор, тем более сострадаю судьбе человека, вынужденного им править, в особенности, если это двор русский, напоминающий мне театр, где актеры всю жизнь участвуют в генеральной репетиции. Ни один из них не знает своей роли, и день премьеры не наступает никогда, потому что директор театра никогда не бывает доволен игрой своих подопечных. Таким образом, все, и актеры, и директор, растрачивают свою жизнь на бесконечные поправки и усовершенствования светской комедии под названием "Северная цивилизация". Если даже видеть это представление тяжело, то каково же в нем участвовать!»⁴⁶

Хорошо знавший двор камергер и поэт Ф. Тютчев в одном из более поздних писем к жене в мае 1857 г. назвал собравшихся во дворце «безмозглой толпой». Несколькими годами ранее, накануне объявления войны с Турцией, 3 октября 1853 г., он отметил полное равноду-

⁴² Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Кн. 1. М., 1997. С. 359.

⁴³ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С.

⁴⁴ Александра Федоровна. Из альбомов императрицы Александры Федоровны [Воспоминания 1817–1820] // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 160.

⁴⁵ Лабрюйер, Жан де. Из характеров или нравов нынешнего века // Франсуа де Ларуш-фуко. Блез Паскаль. Жан де Лабрюйер: Суждения и афоризмы. М., 1990. С. 331–332.

⁴⁶ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 180.

шие великосветского общества к судьбе страны. «Ах, в какой странной среде я живу! – писал он 3 октября 1853 г. – Бьюсь об заклад, что в день страшного суда в Петербурге найдутся люди, делающие вид, что не подозревают этого... Здесь, то есть во дворцах, разумеется, безалаберность, равнодушие, застой в умах прямо феноменальны»⁴⁷.

Императорский двор функционировал в условиях царствований, которые различались характером политических режимов. Это не могло не наложить отпечаток на роль двора в обществе. Двор первой четверти XIX в., отвечая идеалу политики умеренного либерализма Александра I, функционировал в русле «екатерининской традиции», ориентированной на идеалы Просвещения, в то время как двор Николая I в духе патернализма, нашедшего свое воплощение, в частности, в «теории официальной народности», ориентировался на традиционализм, самобытность.

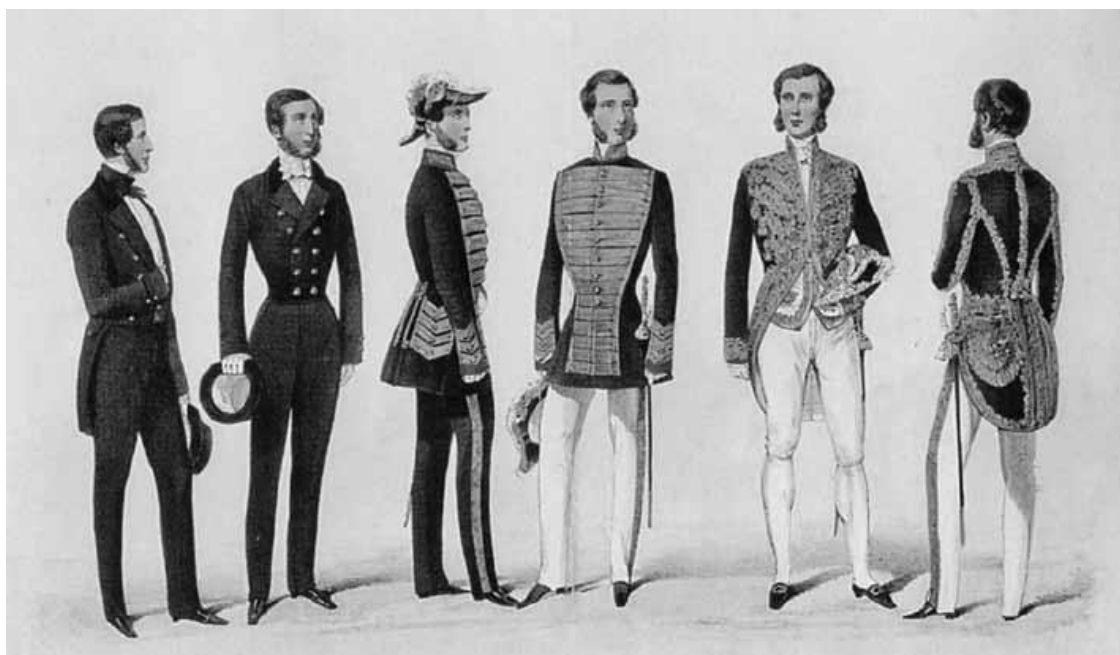
Как же был устроен двор? Под императорским двором (кроме большого двора существовало также несколько малых дворов отдельных представителей императорской фамилии) обычно понимаются императорская резиденция и три группы лиц: придворные чины, придворные кавалеры (лица, имеющие придворные звания) и придворные дамы (дамы и девицы, имевшие особые «дамские» придворные звания). При дворе также находилось большое количество мелких чиновников и служителей, которые не входили в состав двора (в середине XIX в. в Зимнем дворце проживало около 2 тыс. человек).

Управление императорским двором и его сложным хозяйством осуществлялось придворной конторой. В соответствии со штатом 1841 г. она ведала содержанием императорских дворцов, парков, садов, придворным штатом, устройством придворных церемоний, удовольствием императорской семьи. Позднее, в 1883 г., контора была преобразована в главное дворцовое управление, просуществовавшее до 1891 г. гофмаршальская часть (с 1891 г. самостоятельная структура) была важнейшей частью придворного ведомства; она ведала довольствием двора, в том числе императорской семьи, организацией празднеств и церемоний. Сначала (1796 г.) были три класса столов, потом, при Николае I, число их увеличилось до 6. К первому классу относился стол гофмаршальский или кавалерский – для дежурных кавалеров и гостей двора.

Обер-гофмейстер (*gofmeister*, букв. – управляющий двором) заведовал придворным штатом и финансами двора. Ему подчинялись два гофмейстера и придворная канцелярия с потребным числом служителей. В функции канцелярии входило: 1) прием денег по расписанию государственного казначейства; 2) отпуск сумм на содержание двора; 3) «приготовление припасов, материалов и прочего, что подрядами делаться должно»; 4) получение годовых счетов всех расходов; 5) хранение сервизов и прочих вещей двора.

Но обер-гофмаршал (чин II класса; от нем. *ober*, нем. *Hof* — двор и *marschall* – в средневековой Франции эта придворная должность называлась *marechal*) в рассматриваемый период имел несомненное преимущество над обер-гофмейстером (тоже чин II класса).

⁴⁷ Цит. по: Бунятян Г. Г. Город муз. Л., 1987. С. 115.

Комплект форменной одежды придворных кавалеров. 1855 г.

Весьма характерна история, рассказанная лицейским сокурсником А. С. Пушкина, государственным секретарем бароном М. А. Корфом, чей дневник (в 14 томах, из которых издано два тома) и более краткие «Записки» являются одним из компетентных источников сведений о придворной жизни. Барон М. А. Корф 8 ноября 1838 г. записал в своем дневнике: «Сегодня пришла сюда неожиданно весть о смерти Кирилла Александровича Нарышкина. Рожденный, и воспитанный, и служивший всегда при дворе, он в последнее время был обер-гофмаршалом, но в прошлое Светлое воскресенье во время отсутствия его по болезни за границу переименован в обер-гофмейстеры...» Через 8 дней, 17 ноября, М. А. Корф уточнил, что смерть наступила по другому поводу, но по той же причине неуравновешенного характера. На Нарышкина сильно повлияла внезапная смерть его камердинера-француза. Здоровье его ухудшилось; однажды он заснул и не проснулся. В связи с его кончиной М. А. Корф сожалел только, что «...на эту зиму она закрывает у нас два прекрасных дома: один сына его, женатого на княжне Долгорукой, и другой – обер-церемониймейстера гр. Воронцова, женатого на дочери покойного...»⁴⁸

Кредиты на содержание двора шли из трех главных источников: общего бюджета государства – казны, а также независимых от государства уделов и средств Кабинета Его Императорского Величества. Департамент уделов, образованный при Павле I в 1797 г., осуществлял управление удельными имениями и крестьянами (бывшими дворцовыми), доходы с которых предназначались на производство выплат членам императорской фамилии (великим князьям и князьям).

Для управления пригородными дворцами и парками при Павле I (1797 г.) были образованы дворцовые управления – Царскосельское, Петергофское, Стрельнинское, Гатчинское, Ораниенбаумское, Павловское.

Дворцовыми конюшнями заведовала Конюшенная канцелярия, преобразованная в 1786 г. в Придворную конюшенную контору, а в 1891 г. – в Придворную конюшенную часть. Императорская охота находилась в ведении Обер-егермейстерской канцелярии, преобразованной в 1796 г. в Егермейстерскую контору, а в 1882 г. названной Императорской охотой. В

⁴⁸ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2010. С. 198.

конце XIX – начале XX в. Главная царская охота находилась в Беловежской пуще, ставшей в 1888 г. личной собственностью государя. В 1858 г. из Министерства иностранных дел в придворное ведомство была передана Экспедиция церемониальных дел, переименованная в 1902 г. в Церемониальную часть. Созданный в 1797 г. Капитул императорских орденов был включен в 1842 г. в состав Министерства Императорского двора, созданного 22 августа 1826 г. Почти все царствование Николая I его возглавлял (1826–1852) князь Петр Михайлович Волконский, с 1834 г. – светлейший князь, с 1850 г. – генерал-фельдмаршал, а с 1801 г. – генерал-адъютант.

Он ежедневно встречался с Николаем Павловичем, который его весьма ценил. П. М. Волконский стал первым сановником, чей 50-летний юбилей службы в офицерских чинах (вместе с председателем Государственного совета И. В. Васильчиковым) был торжественно отмечен при Императорском дворе. Традиция отмечать юбилеи службы только зарождалась в России, и с середины 30-х гг. XIX в. праздновалось 50-летие некоторых профессоров и врачей⁴⁹.

«По случаю простуды императрицы, – записал в дневнике 2 января 1843 г. М. А. Корф, – вчерашний новогодний выход был внезапно отменен, но зато мы были свидетелями и действующими лицами в другом театральном зрелище. Вчера же, 1 января 1843 г., был пятидесятилетний юбилей службы в офицерских чинах двух государственных сановников... П. М. Волконского и князя Васильчикова...» В связи с тем, что квартира П. М. Волконского при Зимнем дворце была не очень большая, «приветствие ему делалось от Гвардейского корпуса в Белой зале, а от высших особ – в комнате Петра Великого. Государь сам привел его туда, прежде чем ехать к Васильчикову. У него тоже был почетный караул от Белозерского пехотного полка, которым он некогда командовал, и полк этот тоже назван полком "Князя Волконского"»⁵⁰

После П. М. Волконского министрами Императорского двора были В. Ф. Адлерберг (1852–1870), его сын А. В. Адлерберг (1870–1881), И. И. Воронцов-Дашков (1881–1897), В. Б. Фредерикс (1897–1917). С 1826 г. должности министра Императорского двора и министра Департамента уделов были совмещены, а непосредственное руководство ими возложено на вице-президента Департамента уделов (с 1840 г. – товарища министра). Первый год царствования Николая I временным управляющим Департаментом уделов был князь А. Н. Голицын. С 1828 г. вице-президентом, а с 1840 г. товарищем министра был Лев Алексеевич Перовский (с 1855 г. – граф). После кончины в 1852 г. П. М. Волконского, чтобы предотвратить назревавший конфликт двух своих любимцев (Л. А. Перовского и друга юности Николая Павловича В. Ф. Адлерберга), Николай I разделил Министерство Императорского двора и уделов. Были образованы Министерство уделов во главе с Л. А. Перовским и Министерство Императорского двора во главе с В. Ф. Адлербергом. После смерти Перовского указом Александра II от 24 ноября 1856 г. Министерство уделов было упразднено, а его структуры вновь вошли в состав Министерства Императорского двора и уделов. С 1893 г. объединенное министерство стало называться Министерством Императорского двора и уделов.

В 1852 г. Л. А. Перовский одновременно был назначен управляющим Кабинетом Его Императорского Величества. Созданный как личная канцелярия Петра I в 1704 г., Кабинет Его Императорского Величества постепенно трансформировался в хозяйственный орган, ведавший императорской «комнатной суммой» и «комнатной рухлядью».

Как уже отмечалось, царская семья (включая детей до совершеннолетия или замужества) содержалась за счет государственного казначейства и доходов Кабинета Его Императорского Величества. За счет Кабинета содержался также Императорский двор. Содержание императорского двора стоило громадных средств. При ближайших преемниках Петра I эти расходы составляли 20–25 % государственного бюджета. В середине XIX в. на двор уходило около

⁴⁹ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2010. С. 250.

⁵⁰ Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. / Предисл., подготовка к печати и комментарии И. В. Ружицкой. М., 2004. С. 29–30.

10 млн руб. в год, в том числе 3 млн руб. из доходов удельного ведомства и 7 млн руб. из государственного бюджета. Для сравнения: в Англии расходовалось 2,5 млн (в пересчете на рубли), а прусский двор «довольствовался доходами с удельных своих имений»⁵¹. Персональным источником финансирования императора и его семьи и был Кабинет Его Императорского Величества⁵².

В 1801–1810 гг. задача некоторой координации деятельности придворных учреждений, особенно во время отлучек Александра I за границу, возлагалась на Кабинет. В 1810 г., когда глава Кабинета Д. А. Гурьев был назначен министром финансов, эта функция была передана особо доверенному лицу императора князю А. Н. Голицыну, а в 1819 г. – начальнику Главного штаба князю П. М. Волконскому⁵³. Его опыт был вновь востребован при Николае I.

С 1826 г. во главе Кабинета стоял министр императорского двора, который являлся его управляющим (до 1852 г. – князь П. М. Волконский, 1852–1856 гг. – Л. А. Перовский). Официально это было закреплено § 2 высочайше утвержденного устава Кабинета от 27 сентября 1827 г.: «Министр Императорского Двора есть вместе управляющий кабинетом»⁵⁴. В 1852 г. Л. А. Перовский одновременно с заведованием Департаментом уделов был назначен управляющим Кабинетом Его Императорского Величества (1852–1856). В § 1 высочайше утвержденного устава Кабинета от 27 сентября 1827 г. отмечалось, что «кабинет заведует собственностью государя императора и распоряжается оною на основании именных высочайших указов и повелений»⁵⁵. В Кабинете «присутствовали» вице-президент и три члена. В начале царствования Николая I должность вице-президента Придворной канцелярии и одновременно обер-гофмейстера вдовствующей императрицы Марии Федоровны занимал барон Петр Романович Альбедиль (1764–1830). С 1831 г. членом Кабинета, а с 1833 по 1842 г. вице-президентом Кабинета был князь Николай Сергеевич Гагарин, убитый лесничим, которого он ранее уволил со службы.

В структурном отношении Кабинет подразделялся на казначейство и пять отделений: первое, или Исполнительное, отделение включало общую канцелярскую часть, архив, регистрацию и секретную часть. Второе, или Камеральное, отделение «заведовало делами о золотых, бриллиантовых и других драгоценных вещах, вносимых в комнату Его Императорского Величества (далее – ЕИВ), или назначаемых для подарков, также и делами о мягкой рухляди (пушнине – А. В.)». Третье – «Счетное отделение; четвертое – Горное отделение; пятое – Хозяйственное отделение (прочие дела)»⁵⁶. Среди чиновников Кабинета в духовном завещании 1844 г. Николай I просил наследника «обратить внимание на верную и долговременную службу тайного советника Блока, пожаловав ему пенсию, равняющуюся содержанию, которое он получал»⁵⁷. Впрочем, Николай Павлович пережил Блока более чем на семь лет⁵⁸.

Кабинету подчинялись управления Колывано-Воскресенским и Нерчинскими горнозаводскими производствами, императорскими фарфоровыми, стекольными, зеркальными заводами, гранильными и бумажной фабриками, шпалерной мануфактурой, рудниками и обширными лесными дачами.

⁵¹ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 399.

⁵² Дополнительно см.: Глебова И. Царская сумма (Конфиденциальные расходы русских государей) // Родина. 1996. № 1.

⁵³ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 397.

⁵⁴ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 1408. 1827 г. Сентября 27. Высочайше утвержденный устав Кабинета, распределение занятий, движение дел и ревизия оных.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 1408. 1827 г. Сентября 27. Высочайше утвержденный устав Кабинета, распределение занятий, движение дел и ревизия оных. С. 865–866.

⁵⁷ Завещание императора. С. 257.

⁵⁸ Российский государственный исторический архив (в дальнейшем – РГИА). Ф. 1338. Оп. 3. Вн. 57/120. Д. 61.0 смерти и погребении управляющего СБИБ канторы тайного советника Блока. 1847–1849. – 134 л.

В составе придворного ведомства в разное время находились также различные учреждения культуры, включая Императорский Эрмитаж, Академию художеств, Певческую капеллу, Театральное училище, Императорскую публичную библиотеку и т. д. Управлением императорскими театрами Санкт-Петербурга и Москвы занималась Дирекция императорских театров, основанная в 1746 г. и в конце XVIII – первой четверти XIX в. несколько раз менявшая свое название: Театральная дирекция (1786–1809), Дирекция театральная (1809–1819). В конце царствования Александра I, в 1825 г., были изданы новые инструкции по управлению Дирекцией под названием «Постановление и правила внутреннего управления императорской театральной дирекцией». Преобразования продолжались и при Николае I. Был создан Комитет управления императорскими санкт-петербургскими театрами (1827–1829), Дирекция императорских санкт-петербургских театров (1829–1842). В 1839 г. было разработано Положение об артистах императорских театров, а в 1842 г. учреждена общая Дирекция императорских театров для Москвы и Петербурга с подчинением Министерству императорского двора. Ведению Дирекции подлежали в разное время:

Большой (впоследствии Мариинский) и Малый театры, Эрмитажный, Каменноостровский, Александринский театры в Петербурге; Большой и Малый театры – в Москве. Директором императорских театров при Николае I длительное время, с 1833 по 1858 г. был действительный тайный советник (1846) Александр Михайлович Геденов (1791–1867), впоследствии обер-гофмейстер (1858)⁵⁹. С 1842 г. ему также подчинялись московские театры. Его фавориткой была балерина Елена Ивановна Андриянова (Андреянова; 18167-1857), затем французская актриса Миля, с которой он в 1860-х гг. уехал в Париж.

К придворному военному штату в конце царствования Екатерины II относились также эскадроны лейб-гусаров и лейб-казаков (200 человек, в основном из донских казаков). Лейб-гусары сопровождали карету императрицы на прогулках в городе, а лейб-казаки – за городом. При дворе, ежедневно сменяясь, несли караул 6 лейб-гусаров с унтер-офицером. В 1827 г. для несения почетных караулов из выслуживших свой срок солдат и унтер-офицеров гвардии была сформирована рота дворцовых гренадеров.

Позднее, в 1894 г., было создано Управление дворцового коменданта, которое ведало дворцовой полицией. В 1905 г. под его началом находились Особый отдел, дворцовая охрана, отряд «подвижной охраны», агентура. Структура императорского двора и повседневная жизнь императорской семьи в предреволюционный период были проанализированы в книге Игоря Зимина⁶⁰.

⁵⁹ Придворный штат Его Императорского Величества // Придворный календарь на 1853 год. – Б. м., б. д. С. 42.

⁶⁰ Зимин И. Повседневная жизнь Императорского двора: Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М.; СПб., 2010

«Стоящие у трона»: придворные чины и звания

1837 год начался пистолетными выстрелами на дуэли А. С. Пушкина в январе и завершился в декабре пожаром Зимнего дворца. 7 февраля двадцатидвухлетний М. Ю. Лермонтов написал новую концовку быстро ставших знаменитыми стихов «На смерть поэта». Он не побоялся бросить вызов придворной черни и трону:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!

Раздражение, вызванное его стихотворением в придворной среде, было велико. Уже 17 марта Лермонтов выехал из Петербурга по новому назначению в Нижегородский драгунский полк, на Кавказ.

Кто же были эти люди, «стоящие у трона»?

Как отмечают исследователи придворных чинов и званий (Н. Е. Волков, Л. Е. Шепелев, И. И. Несмеянова и др.)⁶¹/ придворный штат был организацией чинов, лиц со званиями камергеров и камер-юнкеров и наиболее многочисленной группы – служителей. Ядро штата составляли «чины», то есть служебные разряды первых пяти классов по Табели о рангах. Так называемые первые чины двора приравнивались к гражданским чинам второго класса, а вторые – третьего класса. Кроме того, в число придворных входили специалисты, «состоявшие при особе» (воспитатели и наставники, учителя, лейб-медики и пр.), среди которых было немало известных деятелей культуры, науки. Придворные чины имели право на почетную форму обращения, полагавшуюся всем классным чинам и варьировавшуюся в зависимости от ранга.

Состав придворных чинов определялся Табелью о рангах, но не в основной части, а в особых дополнительных пунктах. Анализируя состав придворных чинов, включенных первоначально в Табель о рангах, дореволюционный историк Н. Е. Волков пришел к заключению, что «многие из них вовсе никогда не были жалованы, и даже определить, в чем состояли их обязанности, не представляется... возможным». Еще ранее появились чины придворных кавалеров – камергеров и камер-юнкеров, которые в петровское время были главными фигурами при дворе. После введения в действие Табели о рангах состоялись назначения в чины обер-гофмейстера, обер-шенка, обер-шталмейстера, обер-церемониймейстера, обер-маршала и гофмаршала, обер-камергера и гофмейстера (1727). 14 декабря 1727 г. Петр II утвердил первый придворный штат. В соответствии с ним назначались гофмейстер, восемь камергеров, семь камер-юнкеров, гофмаршал и шталмейстер⁶². Анна Иоанновна утвердила инструкцию обер-гофмаршалу и придворный штат в составе обер-камергера, обер-гофмейстера, обер-гофмаршала и обер-шталмейстера⁶³. В 1736 г. состоялось первое пожалование в чин обер-егермейстера (чин II класса). В 1743 г. были введены чины церемониймейстера и егермейстера.

В названии придворных чинов часто присутствуют немецкая частица «гоф» (*нем.* Hof – двор) и «обер» (*нем.* ober – старший).

---

⁶¹ Несмеянова И. И. Быт императорского двора первой половины XIX в.: Автореф... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 17.

⁶² Высочайшие повеления царствования императора Петра II. Список придворным чинам. 1727 (1730) // Общий архив Министерства императорского двора. [В 2 ч.] Описание дел и бумаг. СПб., 1888. – На втором тит. л.: Высочайшие повеления по придворному ведомству 1723–1730. СПб., 1886. – [Ч.] I. С. 33–50.

⁶³ Общий архив Министерства императорского двора. [В 2 ч.] Описание дел и бумаг. СПб., 1888. С. 63–74, 87–90.

Камергер (*нем.* Kammerherr букв. – комнатный господин) – первоначально придворный чин VI класса (до 1737 г.) и IV класса; после 1809 г. – старшее придворное звание для лиц, имевших чин IV–IX классов, а с 1850 г. – III и IV классов; обер-камергер – придворный чин II класса.

Гофмаршал – придворный чин III класса; обер-гофмаршал – придворный чин II класса.

Гофмейстер (*нем.* Hofmeister букв. – управляющий двором) – придворный чин III класса, обер-гофмейстер – придворный чин II класса.

Егермейстер (*нем.* Jägermeister – начальник охоты) – придворный чин III класса; обер-егермейстер – придворный чин II класса.

Церемониймейстер (*нем.* Zeremonienmeister букв. – начальник церемоний) – придворный чин V класса, наблюдавший за порядком дворцовых церемоний; обер-церемониймейстер – придворный чин сначала IV, потом III и II классов.

Хотя Павел Петрович решительно порвал со многими старыми традициями, он был последним императором, при дворе которого еще оставались шуты. О шути Иванушке, который «был вовсе не глупым человеком», рассказывает князь П. П. Лопухин⁶⁴. Он жил сначала в доме Воина Васильевича Нащокина (сына мемуариста), затем у П. В. Лопухина, а после переезда последнего в Петербург перешел к императору. Он имел свободный вход в кабинет государя.

В придворном штате 1796 г. чинов II класса полагалось по одному каждого наименования, чинов гофмейстера, гофмаршала, шталмейстера и церемониймейстера – по два, чинов егермейстера и обер-церемониймейстера – по одному, а камергеров – двенадцать. Чин камер-юнкера штатом не предусматривался, но по штатам 18 декабря 1801 г. этот чин появляется вновь. Численность камер-юнкеров устанавливалась в двенадцать человек⁶⁵.

С конца XVIII в. придворные чины II и III классов стали именоваться первыми чинами двора, в отличие от вторых чинов двора, к которым относились чины камергера, камер-юнкеров и церемониймейстера. После того как камергеры и камер-юнкеры стали считаться не чинами, а придворными званиями (с 1809 г.), вторыми чинами двора стали называть придворные чины III класса⁶⁶.

Таким образом, почти все придворные чины оказались в генеральских рангах (II–III классы), где право производства в чин зависело целиком от усмотрения императора. Из сказанного ясно, что дослужиться до придворного чина оказывалось возможным лишь по гражданской или военной службе. Впрочем, был и иной путь – пожалования его императором. Военные чины III класса и ниже считались старше гражданских (в том числе и придворных) одного с ними класса⁶⁷.

Придворные чины более других категорий сохранили связь с предшествующими должностями. Обер-гофмаршал⁶⁸ приравнивался к дворецкому при дворе московских царей, обер-камергер – к постельничему, действительный камергер – к комнатному стольнику или спальнику, гофмейстер – к стряпчему, обер-шталмейстер (*нем.* Stallmeister) – к ясельничему, обер-егермейстер – к ловчему, обер-шенк – к кравчему, обер-мундшенк – к чапанику, мундшенк – к чарочнику, камер-юнкер – к комнатному дворянину.

Придворный штат в 1793 г., по сведениям И. Г. Георги, состоял из одного обер-камергера, 20 камергеров, 28 камер-юнкеров, обер-шенка (он подавал золотой кубок царю), обер-шталмейстера и шталмейстера, заведовавших конюшенной частью (шталмейстеры помогали

⁶⁴ [Лопухин П. П.] Из рассказов о старине князя Павла Петровича Лопухина, записанные князем А. Б. Лобановым-Ростовским в 1869 году, после посещения Корсуня // Шильдер Н. К. Император Павел Первый. М., 1996. Приложения. С. 534.

⁶⁵ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 401.

⁶⁶ Там же. С. 401.

⁶⁷ Там же. С. 402.

⁶⁸ Гофмаршал – от *нем.* Hofmarschall — главный придворный чин.

садиться в карету, обер-шталмейстер следовал за ней верхом), обер-егермейстера (заведовавшего императорской охотой), обер-гофмаршала и гофмаршала (заведовавшего дворцовым хозяйством), обер-церемониймейстера и церемониймейстера, а также 8 генерал-адъютантов и 8 флигель-адъютантов.

Среди дам двора Ее Императорского Величества было: 9 статс-дам, камер-фрейлина, 18 придворных фрейлин и гофмейстерина над оными, 9 камер-юнгферов. Одновременно при Ее Императорском Высочестве (Марии Федоровне. – А. В.): 3 фрейлины, камер-фрау и камер-юнгфера. К придворному штату принадлежали также: духовник Ее Императорского Величества и 8 придворных священников, 3 лейб-медика, 5 придворных докторов, 2 лейб-хирурга, 11 гофхирургов и аптекарь. Сверх того 2 камер-фурьера, кофешенк (ответственный за подачу кофе и чая), камердинер, зильбервиартер (человек, ответственный за хранение придворного серебра), 3 надзирателя императорских садов, все в чине полковничьем, зильбердинер чина асессорского (человек, в обязанности которого входила чистка серебра), 11 комиссаров и 7 придворных садовников; также и пажеский корпус, состоящий из 60 юных дворян или около того. В придворной канцелярии или конторе присутствовали обер-гофмаршал и несколько членов.

По придворному штату Павла I в 1796 г. в ведении обер-камергера находилось 12 камергеров, 12 камер-пажей (не камер-юнкеров), а также 48 пажей, не входивших в штат. Пажам могли быть дети и внуки сановников первых трех классов, обычно воспитывавшиеся в Пажеском корпусе. Они сопровождали членов императорской фамилии на церемониях (иногда несли шлейфы платьев дам). С производством в офицеры пажи теряли свои звания. Придворный штат 1796 г. включал следующие дамские звания, названные в нем чинами: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, 12 статс-дам и 12 фрейлин. Камер-фрейлины и камер-юнкеры штатом не предусматривались. В конце 1796 г. были укомплектованы и штаты великокняжеских дворов, при этом гофмейстеры были назначены в гофмаршалы, камергеры – в гофмаршалы и шталмейстеры. Кавалеры при этих дворах были определены классом ниже по сравнению с Большим двором. В 1801 г. комплект камергеров и камер-юнкеров был установлен в 12 человек, но к 1809 г. фактически первых числилось 76, а вторых – 70 человек.

В обязанности камергеров и камер-юнкеров входило ежедневное (по очереди) дежурство при императрицах и присутствие в табельные (праздничные) дни. В начале XIX в. наряду с придворными чинами появились придворные звания. За теми, кто имел придворные звания, утвердилось название придворных кавалеров. Указом от 3 апреля 1809 г. камергеры и камер-юнкеры перестали считаться чинами двора, отныне это было их придворное звание, которое не давало права на продвижение по служебной лестнице. Нововведение было встречено ропотом в аристократических кругах. В 1881 г. общее число камергеров и камер-юнкеров составляло 536, а в 1914 г. – 771 человек.

В 1826 г. Николай I установил комплект фрейлин в 36 человек. В 1834 г. снова появляется звание камер-фрейлин, которые имели более высокий ранг, приравняваясь к статс-дамам (о женском штате ниже). Камер-фрейлинами и фрейлинами могли быть лишь незамужние дамы, после замужества они отчислялись от двора, но сохраняли право представления императрице и посещения больших балов с мужьями, независимо от чина последних. Комплектные фрейлины получали приданое от двора.

Парадный наряд фрейлин великих княжон. 1834 г.

В 1856 г., в связи с коронацией Александра II, был введен чин обер-форшнейдера (следовал за блюдами и разрезал кушанья для императорской четы), чин II и III классов. При коронации Николая I упоминается просто форшнейдер (*нем.* Vorschneider – разрезатель). До середины XIX в. лиц, имевших придворные чины, было несколько десятков, в 1881 г. – 84, в 1898 г. – 163, в 1914 г. – 213 человек. В начале XX в. ко II классу по Табели о рангах относились обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-шталмейстер и обер-егермейстер; к III классу – гофмейстер, гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, обер-церемониймейстер, IV – камергер, V – церемониймейстер и камер-юнкер, VI – камер-фурьер,

IX – гоф-фурьер. Важнейшим преимуществом придворных чинов, по мнению современников, была возможность личного общения с лицами императорской фамилии.

Придворные чины распадались на два разряда. В первый входило (в 1908 г.) 15 лиц, именовавшихся: обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-егермейстер, обер-шенк... Второй класс насчитывал 134 персоны, и, кроме того, было 86 лиц «в звании», два обер-церемониймейстера, обер-форшнейдер, егермейстеры, гофмаршалы, директор Императорских театров, директор Эрмитажа, церемониймейстер (14 штатских и 14 «в звании»).

Кроме того, были лица, носившие придворные звания при Их Величествах и членах императорской фамилии, отдельную группу составляли генерал-адъютанты, свитские генералы и флигель-адъютанты – около 150 человек). Всего, по данным начальника канцелярии Министерства Императорского двора А. А. Мосолова, включая 260 дам разных рангов и 66 дам, удостоенных ордена Св. Екатерины, 1543 персоны.

Придворные (придворные чины и кавалеры, а также женский штат – статс-дамы и фрейлины) представляли собой особую сословно-корпоративную и профессиональную общность. Пиетет перед придворными чинами и званиями был велик. Нужно было быть Пушкиным, чтобы манкировать ими. Маркиз де Кюстин отметил: «...Старики и старухи так дорожат своими придворными должностями, что ездят ко двору до самой смерти!»⁶⁹

Конечно, каждое царствование приносило что-то свое... Характеризуя придворное окружение Павла I, граф Ф. Г. Головкин писал: «С одной стороны, появились целая группа простоватых и ничтожных людей... "это гатчинцы"... С другой стороны, явилась группа стариков, в возрасте от 60 до 80 лет, одетых в старомодные кафтаны. Во главе этих стариков был Гудович, бывший близкий друг... Петра III»⁷⁰. Он же пишет и об усилении при дворе «немецкой партии»: «При воцарении Павла эта партия опять вошла в силу, и нижеследующий список ее членов даст лучшее понятие о ней... Сама императрица, граф Пален, граф Панин, граф Петр Головкин, обер-егермейстер барон Кампенгаузен, барон Гревенитц, г-жа Ливен и др.»⁷¹ Упомянул о «немецкой партии» при дворе и Ф. В. Ростопчин. В письме к С. Р. Воронцову он отмечал, что императору не дает покоя Мария Федоровна, «которая вмешивается в дела, суется, сплетничает, окружает себя немцами и позволяет негодяям себя обманывать...»⁷²

В качестве примера «старика» из окружения Петра III, облагодетельствованного императором, можно назвать И. И. Шувалова, бывшего при Петре III директором Шляхетного сухопутного корпуса (с 1800 г. – Первый кадетский корпус). Известный деятель двух предшествовавших царствований по состоянию здоровья не мог быть на коронации Павла I. После смерти И. И. Шувалова, по свидетельству Ф. Н. Голицына, Павел Петрович, проезжая мимо его дома, с поклоном снял шляпу⁷³. В то же время Павел I создал более жесткую структуру чинов двора, конструкция которого пережила царствование Александра I и приобрела окончательно сложившийся облик при Николае I.

⁶⁹ Кюстин Л. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1. С. 186.

⁷⁰ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. С. 137.

⁷¹ Там же. С. 162.

⁷² Ростопчин Ф. В. – С. Р. Воронцову, 18 июня 1797 г. // РА. 1876. Кн. 2. № 5. С. 88.

⁷³ Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, написанная племянником, его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Москвитянин. 1853. Т. 2. № 6. (Март). Кн. 2. Отд. 4. С. 89.

Камергеры: «комнатные господа»

Чин камергера появился в России еще при Петре I. Особым знаком камергеров был «всемиловейше жалуемый им ключ». Золотой декоративный ключ символизировал право камергера входить в императорские покои. Он был введен при Екатерине II в 1762 г. В XVIII в. золотой ключ с бантом голубого цвета прикреплялся на кафтане сзади и слева. Свои правила существовали при ношении ключа на фраке. Касьян Касьянов писал о Всеволоде Андреевиче Всеволожском (1769–1836): «Он был сначала камер-юнкером, а вскоре получил и камергерский ключ, какой (весь золотой), замечу мимоходом, в те времена носился прищипленным к огромной розетке из голубой Андреевской ленты к одной из пуговиц фрака или мундира на талии, над левым карманным клапаном»⁷⁴.

Официально образец камергерского ключа был утвержден только в 1834 г. Камергеры носили ключ на голубой ленте у левого карманного клапана мундира, а обер-камергеры – у правого карманного клапана, на золотых кистях. Обер-камергерам полагался ключ, «осыпанный бриллиантами». Камергерский ключ можно было носить и «при мундире другого гражданского ведомства». Именно о таком ключе идет речь в грибоедовском «Горе от ума»: «Покойник был почтенный камергер. С ключом и сыну ключ умел доставить»⁷⁵. Изготовление ключа обходилось дорого: до 1801 г. за него из Кабинета выдавалось 500 руб.

По данным последнего придворного месящеслова Екатерины II 1796 г., при дворе было 26 действительных камергеров и 27 камер-юнкеров. В камергеры обычно жаловали из камер-юнкеров. По указу 1775 г. жалованье выплачивалось только старшим 12 камергерам и 12 камер-юнкерам, налицо в действительной должности находящимся⁷⁶.

Император Павел, вступив на престол, также не замедлил заняться придворным штатом и уже 30 декабря 1796 г. утвердил новый штат. Было установлено, что отныне ведению обер-камергера подлежат 12 камергеров, 12 камер-юнкеров (не назначались) и 48 пажей. Жалованье, выдаваемое камергерам, сохранилось в прежнем объеме по 1500 руб. в год. Всего за время Павла I пожаловано было в камергеры 58 человек, в камер-юнкеры – ни одного. При дворе не состояло ни одного камергера из тех, кто был пожалован покойной императрицей. Павел I требовал от придворных чинов настоящей службы. Он создал строгие правила, не разрешая отлучаться ночевать за город без величайшего на то разрешения (20 мая 1800 г.), и в то же время ограничивал их появление в загородных резиденциях даже на дежурствах без особого на то высочайшего повеления. Кроме того, 18 июня 1799 г. повелел даже сделать вычеты у камергеров из жалованья за время их болезни. Обыкновенно дежурили два камергера и в редких случаях – четыре. В июне 1800 г. была предусмотрена возможность получения действительными камергерами (IV класс) чина тайного советника (III класс); в этом случае придворный титул действительного камергера сохранялся как звание, но его обладатели освобождались от дежурств⁷⁷.

По штату Александра I, утвержденному 18 декабря 1801 г., значилось 12 камергеров с жалованьем 1500 руб. в год, и 12 камер-юнкеров без жалованья. Он вернул на службу камергеров, уволенных при Павле I. После представления обер-камергера графа Шереметева, последовало распоряжение возвращенным на службу камергерам выплачивать жалованье при появлении вакансии. Екатерине Павловне и Марии Павловне было определено по два камергера.

⁷⁴ Касьянов К. Наши чудоеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 166. Цит. по: Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 131.

⁷⁵ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 423.

⁷⁶ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2003. С. 28.

⁷⁷ Шенелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 406.

Многие камергеры двора Александра I сохранили свое положение и при дворе Николая I. Комплект придворных кавалеров в царствование Николая I был определен высочайшим повелением 3 апреля 1826 г.: камергеров 12 человек и камер-юнкеров – 36 человек по старшинству пожалования в это звание. Ключи камергерские или деньги за них в размере 100 червонных определено было выдавать только 12 комплектным камергерам⁷⁸. При Николае I было установлено также обязательное дежурство придворных кавалеров. Например, на балах обыкновенно назначались к императрице по два камергера и два камер-юнкера, а к великим княжнам – по одному камергеру и одному камер-юнкеру. На спектакли в Эрмитажном театре присылались от двора 6 билетов, и отправлялись на дежурство 3 камергера и 3 камер-юнкера⁷⁹.

Звание камергера имели некоторые лица, состоявшие при малых дворах великих князей и великих княгинь. Список камергеров по-прежнему пополнялся из лиц, принадлежавших к родовитому дворянству, но прошли те времена, когда хлопоты родственников и протекция могли доставить это звание без действительной службы.

---

⁷⁸ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 35.

⁷⁹ Там же. С. 38.

«NN сделан камер-юнкером»: камер-юнкеры

Название чина (затем звания) камер-юнкера было заимствовано из немецкого языка в начале XVIII в. и происходит от Kammerjunker (образовано сложением Kammer – комната и Junker – дворянин). После того как в 1809 г. чин камер-юнкера был преобразован в придворное звание, отношение к этой милости стало двойственным. Практического, житейского интереса в этом теперь не было. Звание камер-юнкера дало повод для иронии героя «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя: «Что из того, что он камер-юнкер. Ведь это больше ничего, кроме достоинства: не какая-нибудь вещь видимая, которую можно было бы взять в руки. Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу»⁸⁰. В то же время быть камер-юнкером было престижным в общественном мнении светского Петербурга. Писатель, сподвижник Н. А. Некрасова, И. И. Панаев вспоминал о своей службе с 1830 по 1844 г. (с перерывом на отдых на два года) чиновником Государственного казначейства и младшим помощником столоначальника в Министерстве народного просвещения: «Я решился вступить в штатскую службу, вопреки желаниям моих близких, которые утешались мыслию, что я буду камер-юнкером. Мне самому очень хотелось надеть золотой мундир. Я даже несколько раз видел себя во сне в этом мундире и в каких-то орденах и, просыпаясь, всякий раз был огорчен, что это только сон... Служба решительно не давалась мне, или лучше сказать, я никак не мог подчиниться ей. У меня не оказывалось ни малейшего честолюбия. Камер-юнкерство уже перестало занимать меня; но мои близкие всякий раз, когда производили в камер-юнкера сына или родственника их знакомых, с упреком говорили мне:

– NN сделан камер-юнкером. В каком восторге от этого его родители, и какой он прекрасный молодой человек, как он утешает их, как отзывается о нем начальство! Это примерный сын!

И за такими речами следовал обычно глубокий вздох»⁸¹.

Среди камер-юнкеров было много служащих в центральных государственных учреждениях, особенно часто ими были дипломаты и чиновники Министерства иностранных дел. Чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел числился надворный советник, камер-юнкер граф Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884), сын министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова, один из основателей Московского археологического общества. Одно время он служил в Министерстве иностранных дел (с 1845 г.), а после поездки на Черноморское побережье в 1848 г. стал известен своим трудом «Исследование о древностях Южной России» (опубликовано в 2 частях с атласом в 1851–1856 гг.). Перейдя в штат Кабинета камер-юнкером в 1853 г., он продолжил свои археологические исследования. По распоряжению царя им было начато изучение скифских курганов Приднепровья, проведены масштабные археологические раскопки в Екатеринославской губернии, в окрестностях древнего Танаиса, в Ольвии, близ Феодосии, в Херсонесе, Неаполе Скифском⁸².

Причисленным к МВД значился статский советник граф Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), в то время уже известный писатель. После окончания Дерптского университета (1834), «протанцевав, – как он вспоминал, – зиму в Петербурге»⁸³, в январе 1835 г. поступил на службу в МВД чиновником для особых поручений. В мае 1835 г. прикомандирован в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, наконец, 3 января 1836 г. –

⁸⁰ Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Дуэль Пушкина. С. 330.

⁸¹ *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 54.

⁸² *Тулкина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 254–255.

⁸³ *Соллогуб В. Л.* Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. СПб., 1993. С. 180.

к тверскому гражданскому губернатору А. П. Толстому «для занятий по его усмотрению»⁸⁴. Осенью 1837 г. В. А. Соллогуб вернулся из Твери в Петербург. В звание камер-юнкера В. А. Соллогуб был назначен 27 декабря 1839 г., когда служил в Харькове⁸⁵.

В конце 30-х и в 40-е гг. В. А. Соллогуб выступил с произведениями в жанре светской повести («Лев», «Медведь», «Большой свет» и др.)/ в которых с легкой насмешкой изображал пустоту и нравственную испорченность великосветского общества. В повести «Тарантас», написанной в форме путевых заметок (отдельное издание с иллюстрациями художника А. Агина в 1845 г.) реалистическое изображение нравов сочеталось со славянофильскими настроениями. Повесть вызывала недовольство консервативного общества. Рассказывая об одном обеде у некоего генерала, В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях язвительно заметил: «Итак, я присутствовал на этом обеде; хозяин, настоящий генерал, служака николаевских времен, сидел, разумеется, во главе стола на первом месте; я вовсе не потому, что имел дурную привычку пачкать бумагу, а потому, что носил камер-юнкерский мундир, сидел по правую руку хозяина; надо сказать, что в те отдаленные времена я имел честь быть не только модным писателем, но даже считался писателем вредного направления, и потому хозяин с самого начала отечески, но строго заметил мне, что "Тарантас" (Боже мой! Тогда еще говорили о "Тарантасе"), разумеется, остроумное произведение, но тем не менее в нем есть вещи очень... того... неуместные...»⁸⁶

Были камер-юнкеры из числа местных чиновников. Чиновником особых поручений при Санкт-Петербургском гражданском губернаторе находился коллежский советник Николай Дмитриевич Бантыш-Каменский, сын тобольского и виленского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского, историка и внука историка-археографа. Перечислять можно было бы долго. Но самым известным камер-юнкером был, конечно же, Александр Сергеевич Пушкин.

В конце декабря 1833 г. он был пожалован в камер-юнкеры, о чем писали через несколько дней фрейлина А. С. Шереметева и сам А. С. Пушкин. Поэт неожиданно узнал об этом на балу у графа Алексея Федоровича Орлова, будущего шефа жандармов после А. Х. Бенкендорфа (с 1844 г.) и брата декабриста Михаила Орлова. В дневнике 1 января 1834 г. поэт лаконично и язвительно записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставляли меня учиться французским вокабулам и арифметике»⁸⁷.

Благодарить за пожалование Пушкин демонстративно не стал. 17 января 1834 г. Пушкин сделал в дневнике помету о встрече с царем на балу у Бобринских: «Гос. [ударь] мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его»⁸⁸. При дворе такое поведение сочли верхом неприличия. Придворный этикет был нарушен. 8 апреля 1834 г. А. С. Пушкин представлялся императрице Александре Федоровне. По свидетельству камер-фурьерского журнала отмечен прием в Золотой гостиной (после пожара в Малахитовом зале), где среди представлявшихся лиц через обер-камергера графа Литту по случаю производства в чины, звания и другим случаям девятнадцатым чиновником по списку значится: «Камер-юнкер Пушкин благод[арит] за пож[алование] в сие звание»⁸⁹.

Однако на деле это представление прошло далеко не гладко. 8 апреля 1834 г. А. С. Пушкин записал в дневнике: «Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат

⁸⁴ Там же. Примечания. С. 180.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 180.

⁸⁷ Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] // Поли. собр. соч. [В 16 т.] Т. 12. [М.; Л.], 1949. С. 318.

⁸⁸ Там же. С. 319.

⁸⁹ Цит. по: Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. Комментарии. С. 136.

Паскевича, Шереметев (В. А. Шереметев, орловский предводитель дворянства. – Л. В.), Волховский, два Корфа, Вольховский – и другие. Царица подошла ко мне, смеясь: "Нет, это беспримерно! Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы... Как поживает ваша жена? Ее тетка (Е. И. Загряжская. – А. В.) в нетерпении увидеть ее в добром здравии, – дитя ее сердца, ее приемную дочь"... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36 (в подлиннике – на франц. яз. – А. В.)»⁹⁰. Судя по всему, императрица стремительно отошла от А. С. Пушкина, не дождавшись слов благодарности, а реплика поэта в отношении Александры Федоровны – явный эвфемизм, который можно понимать двояко, в том числе и как издевку. Впрочем, по ряду свидетельств, в том числе и П. В. Нащокина, Александра Федоровна действительно нравилась Пушкину. На поздравление великого князя Михаила по случаю пожалования в камер-юнкеры Пушкин отвечал, что «.. до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили». Вероятно, осведомленный о реакции Пушкина, Николай I счел нужным обратиться к княгине Вере Вяземской со словами, которые предназначались для передачи поэту: «Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение»⁹¹.

Но, по словам Льва Сергеевича Пушкина, поэт был взбешен. Отставной штаб-ротмистр А. Н. Вульф, сосед Пушкина по Михайловскому, записал в дневнике 19 февраля 1834 г.: «... Поэта я нашел... сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева... Он говорит, что он возвращается к оппозиции»⁹². Тем не менее 28 февраля Пушкин с супругой присутствовал на придворном балу в Зимнем в связи с Масленицей. 4 марта А. С. Пушкин снова возил Наталью Николаевну в Зимний.

В принципе, пожалование камер-юнкером не могло быть слишком большой неожиданностью для Пушкина. Этот вопрос давно обсуждался в кругу его близких друзей. Еще в мае 1830 г. дочь М. И. Кутузова Элиза Хитрово, пользовавшаяся влиянием при дворе, хлопотала о придворном чине для Пушкина, что обеспечило бы его более прочное положение в обществе. Тогда А. С. Пушкин вежливо поблагодарил Элизу за заботу. «С вашей стороны, – писал он Хитрово, – очень любезно, сударыня, принимать участие в моем положении по отношению к хозяину. Но какое же место, по-вашему, я могу занять при нем? Не вижу ни одного подходящего... Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что я бы стал делать при дворе?»⁹³ В марте 1834 г. Александр Сергеевич объяснил П. В. Нащокину: «...Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах – и верно не думал уж меня кольнуть»⁹⁴. Но дело явно было не в возрасте. Среди камер-юнкеров Николая I шестьдесят девять лиц были моложе, зато двадцать три – старше Пушкина⁹⁵. Вряд ли справедливо предположение, что поэт не пожелал воспользоваться покровительством А. Х. Бенкендорфа, чтобы получить звание камергера, Николай I без видимых причин не пошел бы на нарушение субординации.

Но Пушкин был прав, понимая, что это пожалование вызовет насмешки в большом свете. В столице ходили слухи, что Пушкину дали звание камер-юнкера, чтобы «иметь повод приглашать ко двору его жену»⁹⁶. Ни для кого не было секретом, что ухаживания императора за его женой стали приобретать все более откровенный характер. Впрочем, они никогда не выходили за рамки обыкновенного в то время флирта, характерного для Николая Павловича. Кроме того,

⁹⁰ Пушкин А. С. [Дневник 1833–1834 гг.]. С. 324.

⁹¹ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 104.

⁹² Майков А. Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 208.

⁹³ Пушкин А. С. Е. М. Хитрово. 19–24 мая 1830 г. // Полн. собр. соч. [В 16 т.] Т. 14. [М.; Л.], 1941. С. 93–94 (Пер. с франц.: С. 411–412).

⁹⁴ Пушкин Л. С. Письма последних лет. Л., 1969. С. 31.

⁹⁵ Рейсер С. Л. Три строки дневники Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 150.

⁹⁶ Пушкин А. С. ПСС. [В 16 т.] Т. 15. С. 62, 317.

это автоматически ограждало ее от преувеличенного внимания придворных дон-жуанов. Ведь все было на виду. Сам Николай I вспоминал, что часто встречался с ней в свете и искренно ее любил «как очень добрую женщину»⁹⁷.

Кроме того, в тот год Пушкин намеревался уединиться в деревне, чтобы сэкономить и поправить финансовые дела семьи. Теперь это стало затруднительно, так как перед Натальей Николаевной в возрасте 22 лет открылись двери Аничкова дворца, куда приглашался только избранный круг великосветского Петербурга. Ее мать, Надежда Осиповна, сообщила приятельнице в письме от 4 января 1834 г.: «...Александр назначен камер-юнкером, Натали в восторге, потому что это дает ей доступ ко двору. Пока она всякий день где-нибудь пляшет»⁹⁸. Необходимо было соблюдать и правила придворного этикета. Проблема заключалась в том, что Пушкин пренебрегал не только служебными обязанностями (рассматривая их как синекуру), но и придворными обязанностями. Его раздражали придворные церемонии, в которых он должен был участвовать, и в его дневнике с этого времени чувствуется неприкрытая неприязнь ко двору.

В 1834 г. Пушкин чаще бывает на царских приемах и балах, но еще чаще манкирует их и нарушает этикет. В апреле 1834 г. он проигнорировал праздничные дни. Император поручил В. А. Жуковскому передать Пушкину свое неудовольствие по этому поводу. Одновременно обер-камергер граф Ю. П. Литта вызвал его к себе, чтобы «мыть голову». «Я догадался, – записал в дневнике А. С. Пушкин, – что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни обедне в вербное воскресенье»⁹⁹.

В дневнике А. С. Пушкина от 16 апреля 1834 г. сохранилось свидетельство, что (по сведениям от В. А. Жуковского) Николай I был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров на обедне в вербное воскресенье. Граф Ю. П. Литта сокрушался тогда К. А. Нарышкину по поводу отсутствия многих камер-юнкеров, на что обратил внимание император: «*Mais enfin il y a des regies fixes pour les chambellans et les gentilshommes de la chambre*» («Но есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров» – *франц.*). На это К. А. Нарышкин возразил: «*Pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneurs*» («Извините, это только для фрейлин» – *франц.*). (Эвфемизм на французском: «правила» и «регулы» (месячные) у фрейлин¹⁰⁰.) Об этом же А. С. Пушкин писал и жене в письме от 17 апреля 1834 г.

Неприличным нарушением придворного этикета была неявка Пушкина на празднование совершеннолетия наследника цесаревича Александра Николаевича, состоявшееся в Святую Пасху 22 апреля 1834 г. в Георгиевском зале и в Большой церкви, тем более что поэт был в тот день в Зимнем дворце у фрейлины Е. И. Загряжской, тетки Н. Н. Пушкиной. О своем отсутствии Пушкин написал жене в письме, начатом в пятницу 20 апреля и завершеном в воскресенье 22 апреля. Это наиболее резкое и откровенное письмо А. С. Пушкина, не предназначенное для посторонних глаз. В эпиграфе, процитированном в начале данной книги, приводится это высказывание. В воскресенье Пушкин дописал: «Нынче великий князь присягал, я не был на церемонии, потому что рапортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров»¹⁰¹.

Это письмо было распечатано московским почт-директором. Оно было затем скопировано и отправлено А. Х. Бенкендорфу и стало известно царю. На перлюстрацию письма Пушкин отреагировал болезненно. 10 мая 1834 г. он гневно записал в дневнике: «Г.[осударю] неужодно было, что о моем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью.

⁹⁷ Корф М. Л. Записки // РС. 1899. Т. 99. С. 311. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 85.

⁹⁸ Семевский М. И. К биографии Пушкина // Русский вестник. 1869. Ноябрь. С. 90.

⁹⁹ Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 326.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Пушкин Л. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 52.

Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутом не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит читать их царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться – и дать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным»¹⁰².

Николай I не дал хода письму, а гнев Пушкина постепенно утих. В письме к А. Х. Бенкендорфу от 6 июля 1834 г. он попросил вернуть свое прошение об отставке. Между прочим, он писал об императоре (вероятно, искренне): «Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, сколько он вложил в них прямоты и великодушия. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему»¹⁰³.

В последующие месяцы А. С. Пушкин остался верен себе. В июне камер-юнкер известил обер-камергера, что не сможет быть на праздновании дня рождения императрицы 1 июля в Петергофе, приглашение на которое почиталось за высокую честь. Судя по всему, отказаться ему не удалось; В. А. Соллогуб видел его в придворной карете, заметив, что «из-под треугольной шляпы» лицо поэта «казалось скорбным, суровым, бледным». Другой очевидец, В. В. Ленц, заметил Пушкина, «смотревшего угрюмо» из окна «дивана на колесах», то есть придворной линейки¹⁰⁴.

Камер-юнкер Пушкин пренебрег приглашением на главный праздник и не вызвал жену из деревни, лишив возможности императора танцевать с ней. Конфликт углублялся. 25 июня 1834 г., в день рождения Николая I, Пушкин вручил А. Х. Бенкендорфу прошение об отставке. Автограф письма имеет дату 15 июня: «Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение»¹⁰⁵.

Многие современники воспринимали придворную службу А. С. Пушкина как трагикомедию, не понимая подлинной причины призвания А. С. Пушкина ко двору. Граф В. А. Соллогуб в своих воспоминаниях писал: «Жена его была красавица, украшение всех собраний и, следовательно, предмет зависти всех ее сверстниц. Для того, чтоб приглашать ее на балы, Пушкин пожалован был камер-юнкером. Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопровождения жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто не хватало средств. Эти средства он хотел пополнять игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше»¹⁰⁶.

Последнее обстоятельство было еще одной причиной, препятствовавшей в июне 1834 г. встрече поэта с императором. Пушкин должен был бы поблагодарить Николая Павловича за крупный заем из казны, но все толковали о его огромном проигрыше в карты.

У поэта были и другие основания ждать очередных нареканий. В письме Наталье Николаевне в письме от 28 июня, объясняя игру в карты желанием развлечься, так как «был желчен»,

¹⁰² Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 329.

¹⁰³ Цит. по: Принцева Г. Л. А. С. Пушкин и Зимний дворец // Пушкин и Зимний дворец / Государственный Эрмитаж. [Выставка. Пушкин и Зимний дворец. 200 лет со дня рождения А. С. Пушкина] / Авторы концепции: Г. Н. Комелова, Г. А. Миролюбова. А. Г. Побединская, Г. А. Принцева, А. А. Тарасова. СПб., 1999. 47 с. [Каталог]. С. 9. См. также: Горбачева Н. Прекрасная Натали. М., 1988. С. 185.

¹⁰⁴ Пушкин Л. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 64–65; Соллогуб В. Л. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 594; Ленц В. В. Приключения лифляндца в Петербурге // РА. 1878. Кн. 1. С. 451–452. Цит. по: Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 106.

¹⁰⁵ Пушкин Л. С. ПСС. [В 16 т.] Т. 15. С. 165.

¹⁰⁶ Соллогуб В. Л. Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба. С. 184.

но заметил: «все Тот виноват»¹⁰⁷. Пушкин не знал, уведомили ли жандармы об этом Николая I¹⁰⁸. Он справедливо опасался, что после праздника его ждет «мытьё головы», и желал избежать унижения. Ответ последовал быстро. 30 июня 1834 г., накануне празднования дня рождения императрицы Александры Федоровны, А. Х. Бенкендорф сообщил Пушкину: «...Его Императорское Величество, не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы...»¹⁰⁹. Наталья Николаевна поэт сообщил о своей отставке задним числом, когда все было позади: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку»¹¹⁰. Впрочем, в письме к Наталье Николаевне от около 28 июня А. С. Пушкин намекнул о предстоящем событии: «Мой Ангел, сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Жалею, что ты его не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке»¹¹¹. А в конце следующего письма от 30 июня дописал: «Погоди, в отставку выду, тогда переписка нужна не будет»¹¹². Больше всего А. С. Пушкина огорчало, что увольнение со службы в Министерстве иностранных дел автоматически закрыло для него архивы – об этом он получил официальное извещение.

В августе 1834 г. А. С. Пушкин намеренно уехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, чтобы только не присутствовать на торжественной церемонии. Накануне 6 декабря 1834 г. («Никола Зимний»), дня именин Николая I, Пушкин записал в дневнике (5 декабря): «Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, – молокососами. Царь рассердится, – да что мне делать?»¹¹³ И вскоре добавил: «Я все-таки не был 6-го во дворце – и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельд-егеря или Арнта» (лейб-медика Н. Ф. Арндта. – А. В.)¹¹⁴. Раздражение царя было понятным. Николай I, как человек военный, любил порядок и следил за дисциплиной придворных чинов и кавалеров. Буквально через десять дней Пушкину с супругой пришлось прийти на бал в Аничков дворец...

На этом история с камер-юнкерством Пушкина не закончилась. После кончины поэта Николай I решил, что А. С. Пушкина как камер-юнкера надо отпевать не в Исаакиевском соборе, как планировалось, а в придворной Конюшенной церкви. Более того, Николай I хотел, чтобы поэта обрядили в камер-юнкерский мундир¹¹⁵. Когда же на покойном оказался фрак, император был недоволен¹¹⁶. На панихиде, по свидетельству А. И. Тургенева, были многие генерал-адъютанты: начальник Военно-походной канцелярии генерал от инфантерии А. В. Адлерберг (будущий министр двора), командующий Отдельным оренбургским корпусом, генерал от кавалерии В. А. Перовский, член Государственного совета и сенатор князь Василий Сергеевич Трубецкой, исполнявший тогда обязанности черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора, генерал-майор граф А. Г. Строганов, генерал от артиллерии И. О. Сухожанет. Присутствовали министр внутренних дел Д. Н. Блудов, гофмейстер Высочайшего двора камергер М. Ю. Виельгорский, многие другие придворные, лицейские товарищи, Элиза

¹⁰⁷ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, 28 июня 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 168.

¹⁰⁸ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 111.

¹⁰⁹ А. Х. Бенкендорф – А. С. Пушкину, 30 июня 1834 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 171.

¹¹⁰ А. С. Пушкин – Н. Н. Пушкиной, около (не позднее) 14 июля 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 180.

¹¹¹ Пушкин А. С. – Н. Н. Пушкиной, около 28 июня 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 167.

¹¹² Пушкин А. С. – Н. Н. Пушкиной, 30 июня 1834 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15 [М.; Л.], 1948. С. 170.

¹¹³ Пушкин Л. С. [Дневник 1833–1834 гг.] С. 333.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. С. 294.

¹¹⁶ Там же. С. 295.

Хитрово с дочерьми, члены семей П. А. Вяземского, покойного Н. М. Карамзина, литераторы. Император осыпал милостями семью Пушкина...

С портретом и кокардой: кавалерственные статс-дамы

Статс-дамам (женщинам замужним или вдовам) жалованье не полагалось, они, как заметил историк Константин Писаренко, выполняли свои обязанности «на общественных началах (не зря же замуж выходили)»¹¹⁷. При императрице Елизавете Петровне, отмечает историк, появился отличительный знак статс-дам – прикрепленные на правой стороне груди броши с миниатюрными портретами императрицы, окаймленные бриллиантами¹¹⁸. Эти портреты-миниатюры были выполнены в технике эмали (финифти). Кроме статс-дам ее портреты носили также гофмейстерины и камер-фрейлины, по статусу приравненные к статс-дамам. О ношении «портретными дамами», как они назывались в общении, портретов на правой стороне груди пишет также историк Л. Е. Шепелев¹¹⁹.

В противоречии с этими утверждениями некоторые современники пишут о ношении портретов на левой стороне груди. Так, адъютант шведского кронпринца Венцель Гаффнер, посетивший Петергоф в июле 1846 г., пишет: «Принц Оскар танцевал со многими из великих княгинь и графинь... Наиболее почетные из придворных дам называются "дамами с портретом", носят на левой стороне осыпанный бриллиантами портрет императрицы. Многие из них носят также звезды и ордена»¹²⁰.

Кроме того, все статс-дамы (и некоторые фрейлины) имели знаки ордена Св. Екатерины 2-й степени, то есть Малого креста (так называемая кокарда), или намного реже – 1-й степени. Главой ордена Св. Екатерины, по утвержденному Павлом I при его коронации 5 апреля 1797 г. «Уставлению о Российских императорских орденах», оставалась, как и прежде, императрица¹²¹. Великие княжны при крещении получали знак ордена Большого креста; княжны императорской крови получали его по достижении совершеннолетия. Дочь А. О. Россет-Смирновой приводит не очень достоверный рассказ «из доброго старого времени» некой «старушки Х» о появлении шифров и портретов. Появление портретов, на основании рассказов свидетельницы, она связывает с царствованием не Елизаветы Петровны, а Екатерины II: «Императрица Екатерина создала портретных дам, и первую из них была кн. Дашкова»¹²². Есть и другое мнение, в соответствии с которым первой на правой стороне груди (фрейлины венцель, наоборот, носили на левой стороне корсажа) стала носить портрет императрицы графиня А. А. Матюшкина (статс-дама с 22 сентября 1762 г.).

При Павле I было 14 пожалований статс-дамами. Их перечисление поможет понять, кого назначали статс-дамами. В ноябре 1796 г. статс-дамами стали: дочь генерал-аншефа князя В. М. Долгорукого-Крымского и супруга фельдмаршала графа В. П. Мусина-Пушкина графиня Прасковья Васильевна Мусина-Пушкина (1754–1826); супруга генерал-поручика К. И. Ренне Мария Андреевна фон Ренне (1752–1810) и вдова действительного статского советника Вильгельма де ла Фона София Ивановна де ла Фон.

Еще 7 статс-дам получили это звание в связи с коронацией 5 апреля 1797 года: супруга действительного тайного советника графа Михаила Мнишек графиня Урсула Мнишек (1760–

¹¹⁷ Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 51.

¹¹⁸ См. также: Корф М. А. Записки // РС. 1899. Т. 99. С. 294–295; Паткуль М. А. Воспоминания // Исторический вестник (в дальнейшем – ИВ). 1902. Т. 88. С. 445; Кюстин А. Россия в 1839 году.: В 2 т. Т. 1. С. 186–187; Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 28, 44–47; Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С.; Уртман Р. Сценарии власти: С. 425.

¹¹⁹ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 431.

¹²⁰ Гаффнер В. В. Три недели в России // Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 1. С. 263.

¹²¹ Высочайше утвержденное Уставление о Российских императорских орденах // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 24. № 17908. С. 569–587.

¹²² Записки А. О. Смирновой, урожденной Россет с 1825 по 1845 г. // Статья Л. Крестовой и А. Пьянова; Сост. К. Ковальджи. М., 1999. С. 123.

1806), супруга генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского графиня Анна Павловна Каменская (1749–1826), супруга обер-штальмейстера Л. А. Нарышкина Мария Осиповна Нарышкина (умерла 28 июня 1800 г.), дочь генерал-аншефа М. И. Леонтьева и супруга генерал-аншефа П. Д. Еропкина Елизавета Михайловна Еропкина (1727–1800), дочь генерал-фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина и супруга генерал-аншефа князя Ю. В. Долгорукова княгиня Екатерина Александровна Долгорукова (умерла в декабре 1811 г.), супруга малороссийского генерального судьи А. Я. Безбородко Евдокия Михайловна Безбородко, супруга виленского воеводы князя Михаила Радзивилла княгиня Елена Радзивилл (скончалась в 1821 г.). В том же году, но 20 июня статс-дамой стала принцесса Луиза Эммануиловна де Тарант, герцогиня де ля Тремуль, которая была ранее статс-дамой казенной королевы Марии-Антуанетты.

6 сентября 1798 г. кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины 2-й и 1-й степени была пожалована супруга светлейшего князя П. В. Лопухина Екатерина Николаевна Лопухина (1763–1839), мать фаворитки Павла I Анны Лопухиной. 7 ноября того же 1798 г. статс-дамой стала супруга генерала от кавалерии графа П. А. фон-дер-Пален графиня Иулиана Ивановна фон-дер-Пален (1745–1814)¹²³. Последней статс-дамой в это непродолжительное царствование в феврале 1800 г. стала кавалерственная дама Св. Екатерины 1-й степени и Св. Иоанна Иерусалимского Большого креста дочь светлейшего князя П. В. Лопухина, супруга генерал-адъютанта князя Павла Григорьевича Гагарина Анна Петровна Гагарина (1777–1805). Это была последняя фаворитка Павла I, с которой он познакомился в Москве в 1797 г. Император перевел ее отца на службу в Санкт-Петербург. 6 сентября 1798 г. Анна Лопухина стала камер-фрейлиной и была по ее желанию выдана замуж за друга юности князя П. В. Гагарина, вызванного в связи с этим из Итальянского похода А. В. Суворова.

На протяжении трети столетия ключевую роль при дворе играла статс-дама (1794) и ордена Св. Екатерины большого креста кавалерственная дама Шарлотта Карловна Ливен (урожденная баронесса фон Поссе¹²⁴; 1743–1828), вдова генерал-майора барона Отто Генриха Ливена. Овдовев, она приехала из Херсонской губернии в Петербург, где была назначена воспитательницей великих княжон (с 1783 г.), а впоследствии младших сыновей великого князя и императора Павла I, в том числе Николая Павловича¹²⁵.

Императрица Александра Федоровна вспоминала о своей первой встрече со статс-дамой Ливен в 1817 г.: «Только что я уселась перед зеркалом, чтобы заняться туалетом, как вошла ко мне без церемоний какая-то пожилая женщина и промолвила по-немецки: "Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером". Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливен, которую я впоследствии искренне полюбила...»¹²⁶ Собственно, тогда она была еще графиней (1799), княжеский титул со всем семейством ей был пожалован при коронации Николая I 22 августа 1826 г., четыре месяца спустя, в декабре того же года, она стала светлейшей княгиней. Ее возвышению не мешало и то, что она была известна как большая придворная сплетница. В донесении директора канцелярии III Отделения М. М. Фока от 5 августа 1826 г. говорилось: «Слухи, распускаемые придворной челядью и лицами, окружающими графиню Ливен, один смешнее и нелепее другого»¹²⁷. Светлейшая графиня активно способствовала выдвижению своих родственников. Ее старший сын Карл Андреевич Ливен стал министром народного просвещения; средний – Христофор Андреевич – долгие годы провел послом в Лондоне (1812–1834), причем до семейного «разъезда» «им управляла жена его Дарья Хри-

¹²³ Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. С. 215–217.

¹²⁴ Там же. С. 215.

¹²⁵ Гаврилова Е. И. Символы эпохи: графиня Доротея Ливен и ее портреты // Ампиры в России: Краткое содержание докладов III Царскосельской научной конференции. СПб., 1997.

¹²⁶ Александра Федоровна. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 141.

¹²⁷ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока и А. Х. Бенкендорфа // РС. 1881. Т. 32. № 9. С. 189.

стофоровна, урожденная Бенкендорф» (сестра Александра Христофоровича). Первая запись в камер-фурьерском журнале начала царствования Николая I от 1 января 1826 г. гласит: «В 15 минут 4-го часа Их Величества имели выход к императрице Марии Федоровне, где за обеденным столом изволили кушать в гостиной комнате как-то: Государь Император, Императрица Александра Федоровна, Императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Павлович, великая княгиня Елена Павловна, герцог Александр, принцесса Мария, принц Александр, принц Эрнест, принц Евгений Виртембергские (Вюртембергские. – А. В.), статс-дама графиня Ливен»¹²⁸. Подобные записи повторялись стабильно.

Гувернанткой великого князя Николая Павловича была Юлия (Ульяна) Федоровна Адлерберг (урожденная Анна Шарлота Юлиана Баговут; 1760–1839), статс-дама, мать графа В. Ф. Адлерберга, с 1802 г. – начальница Смольного института. В письмах к Александру Николаевичу в 1838–1839 гг. Николай I дважды упоминает о своих визитах вежливости к «старушке Ульяне Федоровне»¹²⁹.

Камер-фурьерский журнал упоминает о присутствии на коронации Николая I пять статс-дам¹³⁰. Среди них:

- Глебова Елизавета Петровна (урожденная Стрешнева; 1751–1837), вдова генерал-адъютанта Ф. И. Глебова.

- Голицына Татьяна Васильевна (урожденная княжна Васильчикова; 1782–1841) – княгиня, супруга московского военного генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына (1771–1844), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 2-й степени Это ее, назвав в письме к отцу «доброй княгиней», видел в Эмсе на водах великий князь Александр Николаевич 26 июля (7 августа) 1838 г.¹³¹

- Долгорукова (Долгорукая) Варвара Сергеевна (урожденная княжна Гагарина; 1793–1833) – супруга князя В. В. Долгорукова.

- Куракина Наталья Ивановна (1767 – 2 июля 1831) – княгиня, супруга Алексея Борисовича Куракина, дочь коллежского советника Ивана Сергеевича Головина и супруги его Екатерины Алексеевны, урожденная княжна Голицына.

- Толстая Наталья Дмитриевна (1793–1887) – графиня, упомянутая в переписке Николая I с цесаревичем Александром в его письме от 20 января (1 февраля) 1839 г.¹³²

В начале царствования Николая I кавалерственными дамами были жена обер-шенка графа Григория Ивановича Чернышева (1762–1831) Елизавета Петровна, урожденная Квашнина-Самарина (1773–1828), светлейшая княгиня Софья Григорьевна Волконская (урожденная княжна Волконская; 1786–1869), жена министра императорского двора П. М. Волконского и сестра декабриста С. Г. Волконского. С осени 1836 г. по день смерти А. С. Пушкин проживал в ее доме (ныне наб. Мойки, 12).

К числу любимиц Александры Федоровны принадлежала ее подруга детства Сесиль (Sesile), как ее звали в семье и при дворе, Цецилия Владиславовна Фредерикс (урожденная графиня Гуровская; 1794–1851). Она воспитывалась в семье прусского короля Фридриха Вильгельма III и с юности была знакома Александре Федоровне. В 1814 г. она вышла замуж за командира л. – гв. Московского полка П. А. Фредерикса, пострадавшего от сабли капитана этого же полка князя Д. А. Щепина-Ростовского 14 декабря 1825 г.

Она была одной из воспитательниц дочерей Николая I. В статс-дамы была возведена 27 июня 1847 г. Она чаще других придворных дам оказывалась в ближайшем окружении импера-

¹²⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 131. Л. 3–3 об.

¹²⁹ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под ред. Л. 3. Захаровой и С. В. Мироненко. М., 2008. С. 184, 255.

¹³⁰ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. (28/1618). Д. 131. Л. 724 об.

¹³¹ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 С. 71.

¹³² Там же. С. 295.

торской семьи – на обедах, ужинах, вечерних «собраниях», приемах, прогулках; ее имя постоянно встречается в переписке Николая I с родными, только в переписке Николая I с цесаревичем Александром в 1838–1839 гг. – около 50 раз.

Великая княжна Ольга Николаевна хорошо запомнила ее: «Очень красивая, с волосами цвета воронова крыла с синим отливом... она охотно принимала на себя обязанности дежурной фрейлины... Для Мама же она была долгие годы неиссякаемым источником помощи во всех обыденных делах, сочувствием ли или словом и делом. Она приходила к Мама каждый раз, когда ее переодевали к приему при Дворе, и после таких приемов она еще сама шла куда-нибудь в общество. Она уже в молодые годы бросила танцы, но ее очень любили как собеседницу. С годами и заботами, которые принесли ей ее дети, она перестала любить общество. После смерти своего сына Дмитрия она приняла православие. Этот шаг она уже давно обдумывала. Четыре ее сына были православными, и она надеялась таким образом быть ближе к душе своего любимого Дмитрия... Последние годы ее жизни были грустными: в семье царствовал раздор и отсутствовало внимание друг к другу. Только ее младшая дочь Мария оставалась при ней»¹³³. На погребение умершей баронессы Фредерикс Придворная контора издержала 2578 руб. 66 коп. серебром¹³⁴.

Общая численность статс-дам была невелика. По данным «Придворного календаря на 1853 год», всего 19 статс-дам, из которых шестеро «состояли в отпуску» (для сравнения: в 1914 г. было 14 статс-дам). Среди них были жены, вдовы, а также дочери многих видных николаевских сановников и генералов.

Трое из них были кавалерственными дамами ордена Св. Екатерины 2-й степени. Все они были «генеральшами», супругами ближайших сподвижников Николая I. Во-первых, это графиня Ольга Александровна Орлова (урожденная Жеребцова), жена шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества (в дальнейшем – СЕИВ) Канцелярии графа А. Ф. Орлова (1786–1861). На самом деле она скончалась в 1852 г., до публикации придворных штатов.

Во-вторых, это княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова (урожденная Пашкова; 1793–1875), вторая супруга генерала от кавалерии, председателя Государственного совета Иллариона Васильевича Васильчикова (1776–1847). В-третьих, председательница Патриотического общества графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель (1811–1865), вторым браком бывшая замужем за графом Петром Андреевичем Клейнмихелем (1793–1869).

Кавалерами ордена Св. Екатерины 1-й степени были следующие дамы.

Екатерина Владимировна Апраксина (дочь московского военного генерал-губернатора светлейшего князя Д. В. Голицына; 1768–1854) – супруга генерала от кавалерии С. С. Апраксина; и при дворе великой княгини Елены Павловны – Наталья Федотовна Плещеева (умерла в феврале 1855 г.), ставшая кавалерственной дамой в день коронации Павла I, что вызвало неудовольствие его фаворитки Е. И. Нелидовой (5 апреля 1797 г.), а статс-дамой – в день коронации Николая I (22 августа 1826 г.).

Сестрой будущего министра императорского двора В. Ф. Адлерберга была кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 1-й степени графиня Юлия Федоровна Баранова (урожденная Адлерберг; 1789/1790–1864). Фрейлина с 1806 г., статс-дама с 1836 г., воспитательница детей в царской семье, позднее начальница Смольного института; 1 июля 1846 г. она была возведена с потомством в графское состояние. После кончины Николая I она исполняла обязанности гофмейстеры при Александре Федоровне (с 20 октября 1855 г.).

¹³³ Ольга Николаевна. Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000. С. 189–190.

¹³⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 3. (Кабинет ЕИВ). Д. 293. О возврате в придворную контору издержанных на погребение супруги обер-штальмейстера баронессы Фредерикс 2578 р. 66 коп. 1852 г.

Графиня Авдотья Васильевна Левашова, кавалер ордена Св. Екатерины 2-й степени, была дочерью генерала от кавалерии председателя Государственного совета графа Василия Васильевича Левашова (1783–1848), Софья Григорьевна Волконская – дочерью генерала от кавалерии Г. С. Волконского (сестра декабриста Сергея), а Прасковья Ивановна Мятлева – дочерью поэта и камергера Ивана Петровича Мятлева (1796–1844). Кавалерственными дамами были также: светлейшая княгиня Елизавета Николаевна Чернышева, графиня Елизавета Андреевна Бенкендорф, княгиня Екатерина Алексеевна Волконская и состоявшая при Ее Императорском Высочестве государыне цесаревне великой княгине Марии Александровне светлейшая княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (с 1835 г.).

Остальные были «в отпуску».

Наиболее экстравагантным был случай со светлейшей княгиней Дарьей Христофоровной Ливен (урожденная Бенкендорф; 1783 – 15 февраля 1857), сестрой покойного А. Х. Бенкендорфа. Незаурядная женщина-дипломат, жена русского посланника в Лондоне Х. А. Ливена (1774–1838), она была хозяйкой литературно-политических салонов в Берлине (1810–1812) и Лондоне (1812–1834). На протяжении многих лет она оставалась в эпицентре великосветского скандала, став возлюбленной канцлера Австрии князя К. Меттерниха, а затем – на протяжении более 20 лет – подругой историка и министра иностранных дел Франции Ф. Гизо. В 1837 г. она развелась с мужем и отказалась вернуться в Россию, несмотря на все старания ее брата и самого Николая I. Тем не менее она сохраняла звание статс-дамы (29 февраля 1829 г.), а ее знаменитые письма на зеленой бумаге к императрице Александре Федоровне наверняка содержали интересные сведения для русской дипломатии.

Также «в отпуску» была Антуанетта Станиславовна Витгенштейн, вдова светлейшего князя фельдмаршала П. Х. Витгенштейна, которого возвел в это достоинство в 1834 г. прусский король, что было признано Николаем I.

Светлейшая княгиня Елизавета Алексеевна Варшавская, графиня Паскевич-Эриванская (урожденная Грибоедова; 1795–1856), дочь коллежского советника Алексея Григорьевича Грибоедова от первого брака с княжной Александрой Сергеевной Одоевской, сводная сестра А. С. Грибоедова, она в 1817 г. вступила в брак с генералом И. Ф. Паскевичем. Через пять лет, 6 декабря 1824 г., при обручении великого князя Михаила Павловича она была причислена к кавалерственным дамам Малого креста ордена Св. Екатерины. Подобная награда являлась в то время исключительной, так как ее удостоивались только супруги генерал-адъютантов и высших придворных и военных чинов. Между тем Паскевич в то время был только генерал-лейтенантом. При Николае I, благоволившем «отцу-командиру», 16 июня 1829 г. Елизавета Алексеевна была пожалована статс-дамою и, наконец, 25 мая 1846 г. удостоилась получить орден Св. Екатерины 1-й степени. Император Николай Павлович свои письма к Паскевичу частенько заканчивал словами: «целую ручки княгине».

Женой новороссийского генерал-губернатора и кавказского наместника светлейшего князя М. С. Воронцова была кавалерственная дама ордена Св. Екатерины 1-й степени Елизавета Ксаверьевна Воронцова (урожденная графиня Браницкая; 1792–1881). Среди «пропасти красавиц», с которыми обедал в Лондоне наследник цесаревич Александр Николаевич 24 апреля (6 мая) 1839 г., он особенно выделил из русских дам графиню Воронцову. «Она очень потолстела и похорошела», – писал цесаревич отцу¹³⁵.

«В отпуску» были графини Изабелла Ивановна Соболевская и Розалия Ржевуская.

¹³⁵ Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839. С. 409.

С шифром фрейлины

В кинофильме «Богатство», поставленном по одноименному роману Валентина Пикуля, о жене одного персонажа говорится: «Она аристократка, почти фрейлина». Следует иметь в виду, что ни одна замужняя женщина не могла быть фрейлиной. Так же, как далеко не все фрейлины после замужества становились статс-дамами. Это зависело от близости к императорскому двору или от исключительных заслуг их мужей перед Отечеством. Так, в 1812 году, в связи с возвышением М. И. Кутузова после Бородино, среди прочих милостей последовало пожалование его жены Екатерины Ильиничны в статс-дамы (умерла в 1824 г.)¹³⁶.

Фрейлины были комплектные, то есть входившие в утвержденный штат, и сверх комплекта. После включения в штат фрейлины получали золотые с бриллиантами вензеля императрицы или великой княгини, называемые шифром. Увенчанные короной, они прикреплялись на Андреевской голубой ленте на левой стороне корсажа (в то время как портреты у статс-дам были с правой стороны груди)¹³⁷, фактически даже вверху рукава платья на левой руке.

Появление шифров (вензелей) фрейлин некая «старушка Х» в рассказах А. О. Россет-Смирновой (в записи ее дочери Ольги) связывает с царствованием Елизаветы Петровны: «Оказывается, что императрица Елизавета ввела шифры, раньше для военных, а потом отменила их и дала четверем своим фрейлинам»¹³⁸.

Фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги Александра I) носили шифр в виде букв ER – Елизавета Regina (*лат.* – королева)¹³⁹. Именно о таком шифре вспоминала графиня София де Шуазель-Гуфье, урожденная графиня Фитценгауз, бывшая фрейлина двора Александра I, когда в 1812 г. в оккупированном французскими войсками Вильно смело надела на бал шифр с голубым вензелем русской фрейлины¹⁴⁰.

---

¹³⁶ Чижова И. Б. Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. СПб., 1993. С. 59.

¹³⁷ Шепелев А. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. С. 432.

¹³⁸ Записки А. О. Смирновой. С. 123.

¹³⁹ Васильева А. Н. Жена и муза: тайна Александра Пушкина. С. 8.

¹⁴⁰ [Шуазель-Гуфье] Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе графини Шуазель-Гуфье. С. 81.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.